

СМЕНА

№ 14 июль 1969

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ГРАД
КИТЕЖ—
ЛЕГЕНДА ИЛИ БЫЛЬ?

Супербложка романа Н. Островского
«Как закалялась сталь».
Работа художника Саввы БРОДСКОГО

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года

Выходит два раза в месяц

№ 14 (1012)

1969
ИЮЛЬ

Наша обложка: Град Китеж.
Легенда или быль?

Фотомонтаж Валерия КАРАСЕВА
и Виктора САККА.

Очерки Марии Баринаевой о новых пи-
онерках и находках на стр. 16—21.

1

«ГЕРОИНКА РЕАЛЬНОЙ
ЖИЗНИ». Работа художе-
тника Саввы Бродского
над образами героев-
революционеров.

8

ТВОЯ ПРОФЕССИЯ. «ПО-
ЮЩЕЕ ДЕРЕВО». Фото-
очерк о молодом скри-
пичном мастере Борисе
Горшкове.

24

«РАЗРУШЕНИЕ ЛИЧНО-
СТИ». Размышления со-
циолога Иоханна Бода-
мера.

28

ТВОРЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ
молодого актера театра
и кино Анатолия Грачева.

ГЕРОИНКА РЕАЛЬНОЙ ЖИЗНИ

Есть книги, устремленные в будущее. Они не подвластны времени, потому что содержание их измеряется общечеловеческими масштабами. Авторы этих книг рассказывают не времени и о себе, а вневременная повесть в славу грядущих событий, зарывая своей энергией, страстью, умением говорить о жизни открыто и честно.

К таким неустремленным, нестаряющимся, удивительным книгам относятся «Спартак», «Овод», «Как завалилась сталь». Издательство «Молодая гвардия» не случайно задумало выпустить эту книгу к столетней годовщине со дня рождения В. И. Ленина и соединило их в одну героическую трилогию.

Сестра борьбы, жизни, отчаянная любовь, мужество и благородство рождает очень разных героев этих произведений, отданных во времена целых эпох истории человеческой истории.

На этих книгах воспитывались поколения людей, к ним постоянно обращались как к высокому нравственному примеру, как к мощному источнику веры и любви к человеку. В этих книгах люди находят искренний призыв к братству и счастью. Чем еще можно объяснить, что, связав, «Как завалилась сталь» издали 315 раз по 11 языкам общими тиражами, превращая сто миллионов экземпляров!

Роман Э. Войнич «Овод» и историческая повесть Ф. Дюканьоля «Спартак» уже выпущены издательством «Молодая гвардия». Эти подорожные, замечательно исполненные издания стали событием и мгновенно разошлись. Сейчас в производстве находится роман Н. Островского «Как завалилась сталь».

Все три книги иллюстрировал известный московский

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

**КОМУ БЫТЬ СТУДЕНТОМ!
МНЕНИЕ КОМСОМОЛЬСКОГО ВОЖАКА**

**КРАСОТА РОДНОЙ ЗЕМЛИ.
«МЕШЕРСКИЕ ТАЙНЫ»**

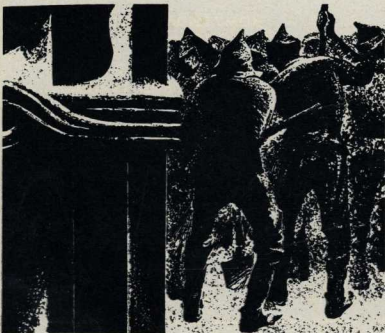
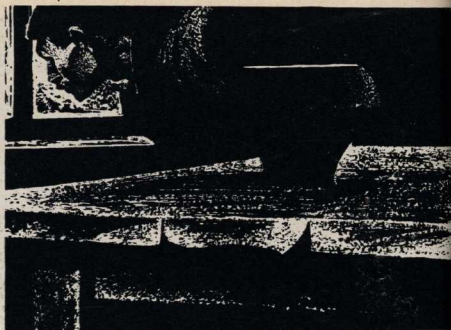
**«ЧТО О ТЕБЕ ПИШУТ, ЛЮБОВЬ!»
ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ ЛЯРИСЫ КРЯЧКО,
ОТКРЫВАЮЩИЕ РУБРИКУ «ВОСПИТАНИЕ ЧУВСТВ»**

**ИТАЛЬЯНСКАЯ МОЛОДЕЖЬ:
ПОКОЛЕНИЕ РАВНОДУШНЫХ
ИЛИ ПОКОЛЕНИЕ БОРЦОВ!**

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: Г. М. Гусев, Е. А. Долматовский, И. Н. Замощин, Р. Ф. Казаков, А. П. Кулешов, А. С. Липров, А. А. Лиханов (ответственный секретарь), Е. И. Рыбников, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков (главный художник)

Художник-оформитель В. Соколов Технический редактор Н. Будкина

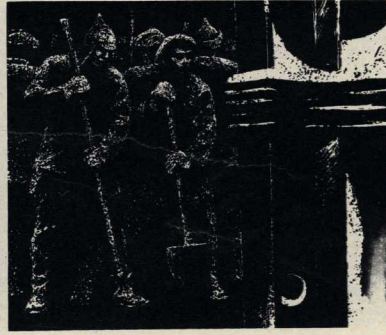

художник Сава Бродский. О своей последней работе Сава Бродский рассказывает: «Роман самый популярный, роман-документ, в основу которого положены необыкновенная, полная внутренних красот жизнь Николая Островского... вот что мне предстояло проиллюстрировать. Задача осложнялась тем, что уже многие художники обращались к этому роману. Сложилась определенная традиция в художественном оформлении. Мне захотелось сделать книгу по-новому и в то же время сохранить верность духу книги. Нужно было найти цельную и конструктивную систему иллюстрирования».

Сава Бродский работает в книжной графике свыше двадцати лет. Тематический и творческий диапазон художника довольно широк, однако важнейшее само существо его творческого восприятия мира. С. Бродский видит за каждым литературным персонажем не только личность писателя, который вложил всю страсть своего сердца в книгу, но и это время, эпоху, окружающий мир, пейзаж. Художник как бы пропускает иллюстрацию через призму времени, влезая как высокую поэтическую правду из всей этой сложной совокупности: время — писатель — книга — время. В этом смысле Сава Бродский сумел тонко и глубоко «прочитать» многие книги. В его иллюстрациях всегда привлекает неоднородность композиций, мастерство рисунка, филигранная техника исполнения. Он любит книги мужественные, в которых романтическая интонация, героика и трезвый взгляд на жизнь соединены органически. Думается, что издателю очень верно выбрало художника для книги Островского.

Искусство графики не зря называют новеллами в черном и белом. Это оправдано: ее условность, лаконизм и динамика выразительности хорошо отвечают ритму времени. Графикой является как бы связующий звено между лирикой и драмой. Эта ее особенность талантливо использовал Сава Бродский в иллюстрациях к роману Н. Островского.

И даже в суперее книги с обобщенным портретом Островского, из которого человеческой профилей в ялеме красноречива выступает словно осенний красный знаменец, строго и гордо, художник выразительно решает тему Корчагина и революции.

И когда смотришь на этот профиль и думаешь о работе художника С. Бродского, а через нее видишь бессмертную книгу и вспоминаешь трудную жизнь Николая Островского, слышишь строки давно чуждых строк: «Мне кажется, он подымается снова... Мне кажется, жесткой, солонутый рот раздвинул, чтоб проглотить последнее слово, последнее гласное слово — вперед!»

Григорий АНИСИМОВ

Триптихи к роману Н. Островского «Как закалялась сталь».

Лынь вышел на историческую сцену еще совсем молодым человеком. Но этот молодой человек, почти юноша, с первых шагов своей деятельности показал себя уже соразмерным человеком, тем самым, каким запомнили его современники.

Самая ранняя, написанная в 1893 году работа Ильича, разбор книги Пастырева о кооператорском крестьянском хозяйстве,—это уже зрелый Ленин, его мастерский анализ, безошибочность его выводов, страстная сила убеждения. Никак нельзя назвать эту работу ловким юношеским, потому что обычно в юношеских работах автор еще только формируется, ищет себя, не устояв, дает смесь верного и неверного, в ту же перед нами взрослый человек во всей законченной ясности его политической позиции.

Но людей, рождающихся готовыми, нет. И сама трудная, самая интересная работа для романиста—это разгадка того, как формировался характер Ильича и складывались его убеждения.

Разумеется, решившим в этом вопросе было влияние самой эпохи, когда передовое русское общество еще жило традициями шестидесятых годов и было овеяно революционными настроениями семидесятых. Огромно было и влияние семьи, особенно со старшим братом—вся чистая атмосфера настоящего партизана, высокой нравственной требовательности и большой культуры, окружающая его с детства.

Но как образовалась индивидуальность Ильича, каковы внутренние бури и переживания как из четвертого ребенка многодетной семьи директора народных училищ Ульяновы вырос на все века и народы гений революции, совершивший по своей целостности и типичности характер большевика?

И как раз для этого периода ленинская биография меньше всего сохранилась и материалов и воспоминаний. Старшая сестра Ильича, главный биограф его детства, рассказала о младшем Володе лишь подробно в гимназия Володю она в своих воспоминаниях почти не дала, потому что в решающие годы его развития она, учительница, а потом курортница, была большей частью вне дома, и внимание ее в эти годы было направлено скорее на старшего брата, нежели на среднего.

Что до самых ранних членов семьи, то они начали помнить и понимать среднего брата, когда основной юношеский перелом в нем уже свершился, и рассказы их относятся главным образом к периоду казанского студенчества, первой ссылке и юридической практике Ильича в Самаре. Те, кто мог бы полнее и ярче всех знать о нем, близкие по возрасту сестра Ольга, умерла молодой девушкой.

Остаются гимназические товарищи. Нам в ту пору не было известно о главном спутнике школьной лет Ильича Михаиле Федоровиче Кузнецове, бывший педагог, живший в Ульяновске на пенсии, хоть и учился с Володей Ульяновым от первого и до последнего.

Готовится и выходу отдельной книги в издательстве «Молодая гвардия».

ледного класса, вплоть до выпускного экзамена, единственного, который только «маленького» Володю, а начиная с пятого класса похвастаться близостью с Ильичем уже не может. Он объяснил отхождение от своего привычного тем, что Володя Ульянов далеко ушел вперед по развитию и вообще в старших классах как-то не имел близких друзей, и, хотя-то относясь с классом у него были простые и теплые, но со всеми «ровные».

Михаила Федоровича, подвижного и словоохотливого старика с мелкими детскими чертами лица, а зламства в Ульяновске в тридцатых годах еще живым. Он ютился в комнате без света, обходился керосиновой «моливней». Мне удалось помочь ему провести у себя электричество, и под этой скромной детской-лицо ленинкой, которую он любовно называл «Федоричкой Ильича», Михаил Федорович, однако, тактично делился со мной воспоминаниями. К сожалению, их было мало. Так, почти каждое воскресенье, заходя к Ульяновым во время утрениного чая, чтоб Володя помог ему сделать латинский урок, он запомнил только один интересный случай: сильный злерб и неизменный «зеленый сыр», самый дешевый сыр в то время да и сейчас. Дети любили щедро намазывать его на ломти хлеба.

Больше, чем личная память, говорили сохраненные Кузнецовым документы: школьные ведомости, названия сочинений, задаваемые вопросы, математике и латыни, подробное содержание билетов на экзаменах, выданный ему и другим одноклассникам. Так был сохранен знаменитый билет по истории, доставшийся на выпускных экзаменах Ильичу.

Но, как бы то ни было, свидетельства Кузнецова совпадают с теми скрупулезными, какие мы имеем от членов семьи Ульяновых: по-видимому, переломные годы Ильича, когда из мальчика формировался будущий человек, прошли во многом незамеченными ни для товарищей, ни для школьной среды. Не было таких друзей, которым Ильич с душой и напряжением рассказывал о своих переживаниях. И романтику трудно искать не только людских свидетельств, а в главным образом таких узловых фактов в жизни семьи, где скрыты процессы формирования личности вышли бы неожиданно наружу в каком-нибудь другом поступке или слове, и уже по этому поступку или слову можно было бы увидеть и о скрытых его переживаниях.

Однако путь тем более правилин, чем мы знаем замечательный случай из раннего детства Ильича, показывающий как глубоко и недолго, но при этом мучительные снаружи, происходили в нем, еще ребенке, образования основные нравственные рефлексы и понятия. Как глубоко мальчишка Володя Ульянов попал как-то—презодом из Симбирска в Кокушину—в большую казанскую квартиру одной из своих теток. Дети, двоюродные братья и сестры, факультативно сидели в комнате без взрослого. Все шалили, и Ульяновский мальчик, всегда со сверстниками шумный и непоседа, раздал глоток табака и установил порядок. Тогда начинают допросы от одного к другому:

«Дети, кто разбил графин,—ты или ты?», «Кто разбил графин, тот и ответит мне». Очередь доходит до Володы Ульянова. Он тоже отвечает «не я».

Так это дело и оставили, хотя, конечно, и дети и тетка знали, кто разбил.

Володя Ульянов ушел домой. Прошло много времени. Мария Александровна каждый вечер сама укладывала спать своих детей, целовала их на ночь и говорила им спокойной ночью. Как-то, когда мать нагнулась к Володе, чтоб поцеловать его, мальчик вдруг раскислся. Было это совершенно неожиданно для матери. Она стала его расспрашивать, в чем дело, что так случилось с ним.

Мальчик ответил: «Мама, я это Ано обманул». Я сказал, что не разбил графин, а ведь это я его разбил». Вот так неожиданно простой и сильный взрыв сорвавших уже чувства и мысли, показавший, что в маленьком Ильиче происходил сложный процесс образования глубокой нравственной реакции на свой детский поступок,—очень типично, для всего складывающегося Владимира Ильича. Характер его формируется где-то глубоко, глубоко, почти невидимо и незаметно для окружающих, пока не дает понять, взрываюи, что уже созрело в нем. Мальш принес с собой чувство стыда за ложь. Это ложь прошла беззаказной, в собственной семье о ней никто как будто не знает, а знает только один ребенок в доме, тот, кто солгал. Но стыд не расщивается, а накапливается внутри. Каждый день мать говорит своим детям: «Спокойной ночи, дети радуются, а вы поцелуйте, засыпайте спокойнее, но маленькому Ильичу с каждым разом все меньше спокойной ночи, все больше наполненной внутри беспокойства. Он не смог вынести чувства вины, оно прорывается бурной реакцией плача, но замечательно, что в самом признании нет ничего ни стыдного, ни жалобного, ни беспринципного, малыш точно и ясно дает нравственную оценку своему поступку.

Этот случай из детства Ленина очень показателен не только для ребенка, но и для юности Ильича. Многие из того, что кажется в юности Ленина миготанным, непрозрачным и случайным, на самом деле тоже вещь вполне наружу очень boldly, иногда очень давнего, но оставшегося незамеченным для окружающих переживания.

I

Есть картина, изображающая университетскую сцену в Казани. Тридцать пять лет до этой сцены в Казанском университете кончал учебу отец Ильича, и в те времена и духу в университетах, и беспорядочные, и был студентам был куда волевнее, шире и свободней. А в конце 1887 года, когда истек первый осенний семестр учебы Ильича на юридическом факультете, уже существовал новый университетский устав, оскорбительный для студентов. Были приделаны к молодежи своего рода «надзорные» преподаватели, уставом мудрей и высочайше возмочником от студента требуется носить его

аккуратно и «на все пуговицы», как доселе и старшие преподаватели училища были привержены к надетским кортам. Недоставало еще становиться во фронт и педелям честь отдавать? Волнения в Казанском университете вызвали в явном протест студентов против всех этих нововведений.

Картина изображает, кажется, ту минуту сцены, когда группа студентов, вбежавшая в закрытый аудитория, бежит по коридору. Впереди несет юноша Ильич. Он расстрепан, лицо его горит, глаза сверкают, движения бурны и непрозрачны.

По каким же рассказам художник создал этот образ, так не похожий на всегда уравновешенного, спокойного и немного наследственного юношу Ильича? Главным летописцем этой знаменитой сцены был не кто иной, как черная полиция. Сухое полицейское перо, мертвым трафаретом записывающее этот отчет, вдруг расцветило и загорелось, дойдя до описания студента Ульянова, о котором так и сказано в протоколе, что он буйствовал, стремительно мчался, размахивая руками, и был красив лицом.

Внезапное иступление обычно спокойного и сдержанного юноши было, значит, настолько велико и до того бросилось в глаза, что даже полицейское перо не смогло не запечатлеть его необычным для себя языком.

Но революционная вспышка не была в молодом Ильиче случайной и внезапной, вызванной общим волнением толпы. Волнения в Казани были глубоко подготовлены, она задолго, так что не в казанской истории Владимир Ильич стал революционером, а казанская история только дала исход накопившемуся в нем душевному протесту.

Как же и по какому поводу копилась этот протест, что пережили и переживала мальчик Володя Ульянов, предоставленный самому себе как раз в самые важные для него годы, когда его высокий глоток перебивался низкими мучнистыми нотами, а корневая жесткая фигура становилась юношески сильной и крепкой?

2

В декабре 1885 года Илья Николаевич Ульянов обмужал Сызранский уезд. Но это был уже не прежний мальчик, а молодой человек, который учителя заметил и сам что-то молчаливо-подавленное, и нем, как слово нездоров, зал в своем зимнем кожаном, кутая горло в шарф, говорил с любовью. Дочь Анна, скваши на рождественские канкулы домой из Петербурга, встретила его в пути и едва устояла отца, до того он изменился.

Анна Ильичина и сама, как она говорила про себя, «псковалась весь этот год. Ей казалось, что любимый брат, Александр, обращает на нее в сторону. Она была и раньше, раньше, мальчик, по которым она всегда тосковала, реке ее вспоминают, так надвигается через силу по хозяйству,—в таком мрачном настроении дочь с отцом ехали под одну полость почтовой кибитки по засне-

женной столбовой дорогой, скрипящей от крепкого мороза, в унылые дебрисы сумерек.

Она необычно для него говорил с ней о своих делах горько, даже, как ей показалось, безраздельным тоном, ритмом, под эмпирич бубенец, бездумно, безраздельно, задушевно, как унылого земские школы. Про старшего сына он не спрашивал, а она не догадывалась, что отец знает про Александру больше, чем знала сама. И ей и ему казалось, что под постою они везут только свое, личное настроение, свои неважные домашние дела, свою частную судьбу, своего ребенка, а с ними ехала и зывала в ветре, мелькала в скудных придорожных хатенках, светила в ямщицком кнуте, горбилась в согнутой шее машина этого бесконечного шествия этой нормы «безраздельно», самой тяжелой, мрачной и как будто не имевшая просвета реакционной форм восьмидесятых годов.

Ее чувства в судьбе покаяния было как будто уже пережито и лежало позади, а мати, казалось, некуда и лучшего ждешь не от чего. Не было и пренежного чувства уюта по приезде домой. Самбирские знакомые переделя вокруг, давно нет старою дядю семьи, Арсения Федоровича Белокрысико, крестного отца Володи. Нет доктора Кадьяна, когда-то сосланного в Сибирь по старому делу демонстрантов на Казанской площади и своим глазами видевшего в доме предвещаниями заключенных сцену выезда из студента Боголюбова. Нет других привычных людей вокруг.

Праздник пришел тихо, отец присел. Как-то утром он пожаловался матери на озноб. К нему не вышел, только появился на пороге и оглядел их всех — любимую большую семью в любимой большой комнате, столовой, со швейной машинкой матери в уголке, с географическими картами на стене, с вискиными старыми часами, знакомо постукивающим под карнином, словно и они жилой член семейства — почти все были тут в сборе, кроме старшего сына Александра, и она, верная спутница его трудной жизни, была еще строящая, пришла как девушка.

Илья Николаевич обвел их взглядом, «точно проститься приходится, и унес это последнее виденье жизни». Когда мать с одевалом вошла к нему в кабинет прикрыть лежащего Илью Николаевича, он уже был в беспмятстве.

Смерть Ульянова произвела страшное впечатление и в семье и в городе. Прошел было слух, что в этой смерти что-то не так, уже не расстался ли Илья Николаевич с жизнью, умер. Спустя год, когда все стало известно про Александра, стали говорить, что директор народных училищ это знав про заветы сына и что это будто бы и свалило его.

Первое большое горе застало Владимира Ильича семиклассником, но последние шестнадцать лет от роду. Он всегда шал в гимназических классах, в первых годах учебы. Учителя спрашивали его только тогда, когда в классе никто не мог ответить, или же для того, чтоб он объяснил сложную вещь или задачу. Но в седьмом классе первенство Илья, до этого

особенно же. Во втором полугодии подавительно много весело проделывал курс. Гимназисты брели старое, давно забытое, а Володя Ульянов поспевал все курс, словно вчера его слушал. Память свою он воспитал не глазами, а на слух, — он имел привычку вникательно усваивать все уроки во время объяснений учителя, и что раз услышит, то уже дома учить ему было незачем.

Володя Ульянов никогда не жаловался на гимназию, как это делали и Александр и Анна, и без натяжки можно сказать, что он любил гимназию. Ему не мешала забывавая глоссы ученов-учителей — она, кстати, сократилась полностью в рассказах и Кузнецова, и доктора Сурова, и других современников гимназисты Ильича. Не мешала ему и тем вполне опроверженный впоследствии классицизм, большие тоги, латыни и греческий были его любимыми предметами.

Греческий тогда преподавался по хрестоматию, составленной самбуриным образом. Тут были и отрывки из мифологии, и всякие античные анекдоты без начала и без конца, — классический рассказ из истории, похожие на пародии Козьмы Пруткова.

Помните прословутый «Спор древних греческих философов об изначальном Козьмы Пруткова? Два злобных спорщика, Клеодотус и Стиф, бросают друг другу бессвязные восклицания и заканчивают спор:

Клеодотус (разгорячен).
Братову кому гладыть люблю!

Стиф (с самодовольством).
Нохать антарные тоги!

Клеодотус (со злобой).
После протуток мои уюмься.

Стиф (с гордыстью).
И я хожото треплю отрока полные щек.

Клеодотус (самуверено).
Сестя не могу очарованыи выроз

С формы изыщай койтура.

Стиф (со спойноиым торжеством и созданием своего достояния).
После протуток мои уюмься.

И опираюся на уру!

Жемужниковы и Толстой явно издавались в этой пародии над ненавязчивыми в то время школьными хрестоматиями. Для гимназистов, вискинующих в их симбуре подчас и кающую-нибудь мифологическую «энергию» греческих уроков или незнакомым источником проказ и разных смешных сценок.

Но Володя Ульянов, приходивший в классы по полудню, заявил, что успеет объяснить урок тем, кто его не приготовил, как-то ухитрился проливать «свет разуму» на любой греческий, какие он делал или не делал, объясняя урок товарищам. Илья подметил в древнем грече уже и тогда отличительную его особенность, ту, что и сейчас, при анализе чужих чужих хрестоматий, бросается в глаза: каков, в сущности, крепкий член общества, член своего времени и среды, какой политик был этот древний грек, при его горлом и достоинства его были объективными пороками и достоинствами, а не только личными, а высшей похвалы удостоившаяся не лишь тогда, когда мыслитель сочинял. См. писательство 1965 г.

когда делал что-либо для общего блага.

Еще сильнее было это свойство в римлянах. Как-то, декламируя перед товарищами плавную речь Цицерона против Катилины, Володя Ульянов воскликнул: «Вот здорово!» Что и представил он себе, воскликнул! Заседания сената, вокруг муш, стоит преступник Катилина, всегда затаявшийся на своей страхе и раскравные сомнительные против общего блага авентур, стоит и слушает, как Цицерон медленно проглотит его с трибуны вселими фигурами риторика. Сила тонкого слова, обое, разрачей, как пуля, не оставляющая выбора противнику, искусство сложенных бои, древняя полемика произнесенных политиков, латини, пленная Ильича настало, что он никогда не скучал над уроками древних языков. Сестра Анна вспоминала, как по-взрослому, интересно и увлекательно преподавал он эти языки, будучи мальчиком, и в аттестате его напечатано, что именно в латыни и греческом он достиг наибольших успехов.

Смерть отца была первым большим горем Володи Ульянова. Отец любил его успехи, гордился ими, мальчик еще с детства привык, проходя из педальной мимо кабинета отца, когда возвращался домой, асело на ходу паропаровало ему красивым от мороза губами: из латыни пять, из алгебры пять... И нет отца.

Но период юности вся жизнь, полностью захватывает его, рыцарствит пух вылезает на подбородке, он не умеет соразмерить гласно, — говорит громче, чем раньше, становится больше, хохот вырывается у него по-отцовски, резко, внезапно, что не до колки, он вырос из детской, из игр с мальшьями, а мальчи еще знает его и себе за пося, и Володя грубит, огрызается. Дома все чаще и чаще слышно:

«Володя, не груби, тыше, Володя».

Значит ли это, что Володя меньше других страдал в этот год? Брат Саши, приехавший к лету, на вопрос Анны, как тебе нравятся наш Володя», ответил уклончиво и неодобрительно, сделал Володе замечание за неуточное отношение к матери, но брат Саши был поглощен в это время своим личным внутренним миром и мог проглядеть друг друга, как прежде, и брат Саша что творился в его младшем брате.

Подросток мучал, чувствовал свою силу. Он не любил переодичку вещей. Именно в эту пору Илья впервые вернул в Бога, а Немецке Константинова рассказывает со слов Ильича о том, как, перестав верить, он однажды сорвал с себя швейный крестик.

3. Последний, восьмой класс гимназии, или, как шутили школьные водины, или, как шутили в этот год 1886—1887, приехал Володе Ульянову только девятый номер. Как в какой весне, когда нужно было сдавать экзамены, пришел известие об аресте Александра Ильича.

После смерти Илья Николаевича положение семьи Ульяновых в городе было извещено. Саша со-терпеть труднее жить, — пенсия это не жалованье и дети вдвоем — это не жалованье в городе должностного лица

ца. И, во-вторых, — жить стало тяжелее. Старше уже наполовину выросли, но Владимир уже только уступили, а за ним Ольга и двое младших. Приходилось, оманная, думать не только о себе и своем будущем.

Пришел снежный, вьюжный сибирский февраль, уже началась первая половина перед экзаменами, поиски нужных книг и учебников, записи в местной Карамзинской библиотеке на ходкую книгу. Семья Ульяновых имела в библиотеке многолетние три абонементы на книги, отцов, с залогом в 15 рублей, который, кстати сказать, так и не был никем взят в спешке перед началом экзаменов в Казань. Володя Ульянов много читал в эту зиму, много и урок. Он был готов хоть сейчас держать экзамен. Его сестра Ольга тоже шла перед учеником. Но известие об аресте Брата тяжело обрушилось на братьев.

Мария Александровна тоже уложилась и уехала в Петербург. Нику Варвары Григорьевны, родорой стирки, сильно проказничал в семье, Володе, которого она и до юношеских лет не переставала нежно любить, как лет, алмазный мой, в доме не было, она гостила у себя в родне в Пензенской губернии. Старшие дети, оставшись одни, почувствовали себя как-то взрослее и тише. Нужно было держаться, держаться как всех сил и вину не падать перед мальшьями, что в семье пришла новая беда, но поспешно: пришла беда, отвари ворота.

Два Ульянова на Московской, которому раньше так сильно завидовали, всему завидовали — и умению Христу Александровны вести хозяйство, и умению владеть домом, и умению в учении, и тому, что в доме нет ничего покаянного и никаких неполадок и не о чем пошусьвать да поспешничать, — это особый дом знакомые стали обходить.

Илья, гордая девушка с открытым, привлекающим лицом, глубоким черными глазами, пожимая на глаза старшего брата, ходила в семье и семье и чем не бывало, в самом нарядном своем фардате. А на город шаша весна, а в фардате с веселой улыбкой умные вести похвалы бурда Саша было очень тяжело. Он обвинялся в покушении на чужество. В семье даже дети знали, что это такое, и все время выжидали бы март 1881 года и казнь пероматованной. Но Саша казался таким близким, молодым, полным жизни, в его комнате наверху, в антресолях, рядом с Володиной, висели картины. Будто полные теплоты от прикосновения пальцев его, аккуратные стальные приборки; чистые полотенце, ождая хозяйки, висели на крючке, будто бы март 1881 года перебарывался, и Володя вынимал Сашиную «Драпера». В столовой хлеб подавался на деревянной, вырезанной Сашей из пародов материи, фардате подставке со словом «Врюб (хлеб)» по-средне, — было чужеством представлял брата под арестом.

Владимир Ильич знал, что для Саша «дело» можно было сделать, но Саша плакала по ночам, пропсылась, и звала «маму». Но нервы надо было держать в кулаке. Надо было идти по улице гордо, отвечать

на вопросы спокойно, пренебрегать намеками и уколами, и Ольга с Владимиром словно условились, словно все честь их семья в том и была, — оба поразили своих одноклассников удивительной выдержкой и спокойствием.

Экзамены проходили прекрасно. Шел май, в городе запахло липой, зацвела клеен на кладбище отца, раскрылись сирени в карамзинском сквере. Как и во все эти годы, Володя Ульянов, серьезный и чуть прихмуренный, с пухлыми большими детскими губами, рыжеватый и голоставший, шел по Московской в гимназию, миновав каляну и только половому взгляду на решетчатом окне участка с бледными сквоз решетки лицами арестованных, мимо немецкой кухни, каретного заведения купца Шестеркина, мимо дома одного, а другого, третьего товарища.

В нежном майском воздухе, полном весеннего благоухания, звонко пробили над городом восемь ударов знаменитых симбирских часов, погудели Симбирску старым гармоном Орловым-Давыдовым. Как раз в это время Володя Ульянов проходил мимо дома графов Толстых, к Пела Толстой, однокласснице, обычно присоединялся к нему, если шел в гимназию пешком. Но сейчас он не показался, а другой одноклассник, ундя Ульянова, быстро обогнул монастырскую стену и только уши у него всплыли под гимназической фуражкой.

4

В актовом зале гимназии был седого цвета очень трудный экзамен — история. Учитель истории был придирки и составил билеты заговористо. Многие его вопросы — Карл IV, например, — никак не рождались по Иловайскому, а нужно было помнить, что говорил учитель, или искать самому в словарях да пособиях. Многим страх как хотелось заранее все распросить у Володы Ульянова, который всегда все знает, но на этот раз даже спрашивать его не стали. Только опять он почувствовал на себе прищипывающие, озадачивающие, как ползунок наскоченные, длинные, косые взгляды.

Володя Ульянов пришел, разважал ремешок от книг и свернул его вокруг пальца, как делал всегда. Сел, как всегда. Правда, Ульянов был очень бледен. В городе узнали, что брат его, Александр, повешен.

Узнали также, что пришло об этом письмом другу семейства Ульяновых, учительнице Кашкадамовой, и Володя уже все знает. Кто-то даже слышал про слова, будто бы сказанные Володей, когда он прочел известие: «Нет, не таким путем надо идти... Куда идет? Каким таким путем?»

В маленьких городках всегда все знают о других людях. Пока Володя чувствовал на себе взгляды товарищей, в другой, женской гимназии, на экзамене французского языка, бледная, как смерть, Ольга чеканившим, твердым голосом отвечала на экзаменационному столу Толстой. Его пальцы вытнуты билет не без дрожи. Ответ был посредственный, записанным на трюну. Вслед за Толстой к столу подошел Владимир Ульянов.

Мне уже много раз приходилось рассказывать, какой замечательный билет вытцал на экзамене Ильич. По странному капризу судьбы заковыри-

стый билет составил один такой билет, где слово с умыслом по всей мировой истории проходит вопросы, касающиеся условий точной репрессии и классовой борьбы. Первый вопрос в билете — об ушедших на гору римских пролетариях, борющихся за свои права с гордыми римскими патрициями. И Карл IV, знаменитый уксас на весь класс, тоже оказался в этом билете.

Ульянов знал, что он держит не просто экзамен. Он держал перед этим синклитом сосредоточенных и насупленных лиц, перед любопытными испуганными глазами своих товарищей, перед всем старым и сонным дворянским городком Симбирским экзамен на право дальнейшей своей жизни, на право образования, поступления в университет. Он был, как пролетарий, один на горе, над Римом, еще вчера такой, как и все в классе, а сейчас — брат повешенного, один, выключенный, как зачумленный, из круга, впервые остро почувствовавшегося, насколько реален этот круг, эти перегородки...

Брат хотел сместь перегородки, сделать людей равными. Но разве один брат этого хотел? Он прочитал вытнутый билет — борьба плебея с патрициями, реформация, Богдан Хмельницкий, — хотел не один брат, все история мира полна борьбы. Но не в одиночку, но так, не таким путем, — Владимир Ульянов стал отвечать по билету. Он говорил своим полудетским картами голосом, звонко, ясно, глубоко, спокойно. Учитель, бесспорно негодивший что-то в бумагах, кивал и кивал головой, экзаменаторы переглянулись — ученик отвечает так блестяще, что придраться не к чему. Постаревший и отяжелевший директор гимназии Керский сын которого, будущий Александр Федорович, готовился сейчас с домашним репетитором в первый класс той же гимназии, — мысленно тоже кинул Ульянову; хоть и рискованно, а делать нечего, золотую медаль придется присудить, нельзя не присудить, Ульянов на голову выше класса.

О чем думал в эту минуту юноша Ленин? Перед его глазами уже успели пройти две большие жизни, две символические жизни, характерные для русского общества.

Путем мирной культурной работы, отдачи всего себя просвещению народа шел любимый отец, никогда не помывшийший о революции. И он еще при жизни увидел свои идеалы погнанными; созданные усилием многих лет школы — закрыты; над слабым светом, зажженным в глухих и низких древних — ослепеет ослепеет оглу. Путь отца привел к тупику.

Путем террора, путем борьбы один на один с царизмом пошел его любимый брат, и этот путь привел его к бесплодной гибели.

Нет, не этими путями можно добиться человеческой жизни для народа!

Никто ни в семье, ни среди товарищей не видел и не оставил свидетельства о том, плакал или нет Володя Ульянов о брате, которого самозабвенно любил с детства... Но страшная сила выдержки, с какой он сдал выпускные экзамены, невольно приходит в голову, когда читаешь сухой полицейский отчет о том, как провалялся эта выдержка Ильича на казенской полке, и о том, как он махал в испуге на университетских коридорах, красяный лицом, размазывая руками и бросая крынку. Гений революции опьянило коснулся его, как только студент Владимир Ульянов почувствовал себя в записке огня, взволнованной человеческой масе.

Лариса ВАСИЛЬЕВА

Горной речки изумрудное ипение на мгновенье мне напомнило о том возмутительном и дерзком

интервьюе,

что сожгло непроницаемой мой дом.

Я вину, как вдвоезное, ощущаю, — птица в клетке, зевая в клетке, косыля в плечу. — Привкус камня, гора ветра, запах чая

разрывает, разрывает тишину.

Над полянами и острыми горами

а цвет заката прошлой жизни

и прибит к кривому облаку

годовалым

проницательный и вымученный

взгляд.

Натан ЗЛОТНОВ

Мне думалось, раньше полудня туман не уйдет из жизни. Как сляканы на парусном судне, Заучил прищипы дрезны.

Они совершали маневры, Невидимые сквоз туман, И неотдающиеся нурны Треском насыщали обман.

Но завалка дальне стрельца У моста, у самой реки, Как будто упала тарелка И не разлетелась в куски.

Туман опулся на плечу, Спрессываясьazole ног. — Вот горы, вот сосны, вот почта, Вот стрелочника теремок.

Как будто все это впервые Увидено свет в краткой миг, И теплые воды живые Сошли, превратились в родник.

Блеснет вдоль платформ туманник. Шли рельсы в Москву напуган. Молчан я. И рядом напарник Шел молча, подвиз воротник.

И влажные доски скрипели, Пружина под ношей даюной, И страшные эти качели Несли над вагоном стальную.

Но дорого, я пошелדרך, где ты. Но важно было с кем-то вдвоем И, близкие виды предметы, Все думать о дальнем своем.

Марк ЛИСЯНСКИЙ

Солнце

над морем

Какое щедрое солнце! Такое тепло моря возлошо — В каждой малом оюнце, В каждой капле По солнцу, По теплому солнцу заглго, В каждой открытом взоре Свернуто Небесным огнем. Солнце было столько в море, Точь-а-точь, сколько капель в нем...

Какое щедрое солнце!

Тревожно иичне на заките,
Обрывает к солнцу край земли.
Зовет к ответу и расклате
протяжный голос из земли.

Он о своем. А мне сдается,
о нашей судьбе.
И слышу, рядом сердце бьется.
Лица не вижу в темноте.

Он не подскажет, не поможет:
ныне дни — иной полет,—
он плеще душу расстраивая
и неприметно отойдет.

А ночью вороны кричали,
что стыдно, покормя сурдубе,
идти тропой алмострой печали
и думать только о себе.

Над обмелевшим горючением
у сбербрасяея воды
ты спрашивал: «А что мы
на камне таяли следы.

Ты руку дал, утасть риксу,
я перепрыгнула ручей,
был горький прикус поцелуя
красноречивее пена.

Густых годов густая неба
уходит в небо и в траву,
Перемельта твое кляну,
расканые — пераживу,

и забываю почему-то
сбы и сбер нестройный рой —
была счастливая имитута,
и незабытый миг второй.

За Москвою безмялая леса
И такая чистая дорога.
Там спокойно наван голоса
Там звучат в кзлучине юга.

И короткий деревянный мост
Там стрекот, шагов не громоче млылах,
И река зеленоватый хвост
Из-под свая выплывает не в склах.

Снег лепит у самых берегов,
Лес стоит, ночного полноя хвоста.
Все им дати леса и снегов,
Только здесь свободны наш чувствал

Снег на влопсах талом лепит,
Невесомо снежная норона.
Снег над головой моей кружит,
Редотный, как белая ворона.

Но уме дорогю поворот
Это прекратит существование.
Снег за ним идет — да снег не тот,
Снег за ним стоит — одно название.

Будто бы незримая стена
Перед поворотом тем застала.
Лься твоя любовь — она одна
Подтвердит мне: все, что было — было.

Меня учил старик Бальмелл.
Он был мастак в литейном деле.
Характер древнего металла
Он исподовод нам открывал,
И вечной тайною кристалла
Пеняя нас грубым минерал.

В те годы год обыкновенный,
Голодный год, голодноосенный
Все продвинулось. Замысленность
В цехах нас не брала в погон.
Но первую свою любовь
Мне пережить пришлось, как сон.

Я занимался увлеченно,
Там, словно ремесла законом
Постигнув, я уже сумелю
И душу алмую одну
Понять и робостью своею
Любовь, был момент, не вступил.

Как утравея я глазами
Той девочкой. И не экзамени
Грядущей близкою весной

И взнах ленивого крыла
Был мне прощальный жест,
Был знак, что полоса тепла
Уйдет из этих мест.

А поледра предвизимый вой
Пронизывал насковозь
Леса, густел над головой,
Как у рабники гроздь...

Но только голос твой один,
Как ни был бы далек,
От этой речки и рабник
Меня позвать бы смог.

Меня в ту пору воновал,
А носы с лентою цветною
И многого лица овал.

Был идеал тамны высковок!
А сталь лилась, лилась в опону,
И шла там, словно кровь по жилам,
В земной прохладной глубине,
И голову мою кружила,
И воновала кровь во мне.

Он не старел, старик Бальмелл.
Но мы мувалы, мы взрослели
И уодили постепенно
Все дальше, дальше от него,
Пока студенческие стемы
Его замкнули одною...

Как быстро все прошло, о боже,
Чтоб стать, чем дальше, тем дороже!
И ремесло Бальмелли с болью
Забыл я, девочку забыл,
Чтоб жить совсем иной любовью —
Одною! — хватило б только сил.

На обмелевшем перекате
Стоит домиком в два окна.
И вознесен на козлы катер.
И долго длится тишина.

И, белые на снегу белом,
Березы збунт у воды,
Покрыты инеем плоты,
Как будто выжарены мелем.

Две одинокие могилы
Пытают душой странной силой.
Там, снегом все занесенно,
Рыбачик лодку ждуть весны.

Неплотно корка ледяная
Обводит берега каймой,
И кажется, замала ников,
За снежной крошкой ледяной.

Но это поляныя. И гладко
Завезде зелелова по ней,
Как ручеек среди камней
Невидимых, петляет плаваю.

И где-то в глубине озанья
Она, звезда из мироданья,
Двойным лучом отражена,
Сверкает, вторично рождена.

Еще одна тайна Вселенной
Открыта тобой, человек.
Уходит на долгого plena
Двадцатый, космический век,
Светлей и просторнее в мире,
Где в две полы соловья.

Замысл! С канцой восточной шире
И шире владения твою.
А всему все тесно и тесно,
Лепит в межпланетную тьму,
И то, что ему незвестно,
То будет известно ему.
Я думаю оземельному,
Забываю о домашнем чепеле,
Что более стало уютно
На маленькой нашей земле.

В геттеборгском порту,
На крутом педестале,
На гранитном посту,
Там, где многие ждали,
Смотрит в дальние дали
Жена морья.
И над талмой водой,
Над своею бедой,
Словно луч маяка,
Взгляд ее молодой.

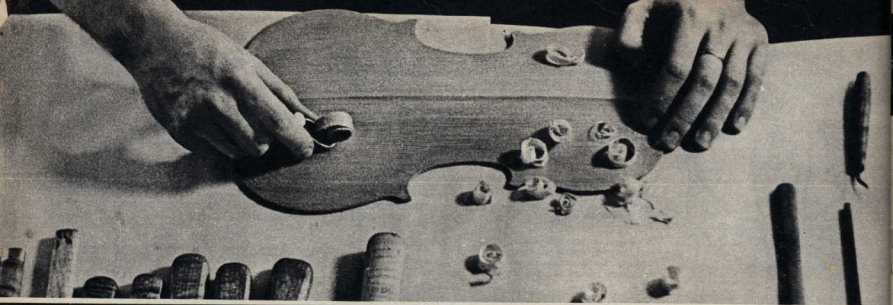
Он летит,
Он горит,
И сегодня, как прежде,
Полный светлой надеждой,

С морьям говорит.
Сгинет завтра тоска —
Встанет крейсер на рейде!..
Ждет она морья.

А морья все не едет.
Тридцать лет,
Тридцать лет,
Сквозь дожди и туманы
Шлет спастительный свет
Этот взгляд неустанный.
Шлет в пономичную тьму,
По остывшему следу,
Чтобы логче ему
Плыть по белому свету.
И откуда ей, правдо,
Знать у стен маяка,
Что труднее, чем плавать.
Оглядеть морья!

У памяткина жене морья

ПОЮЩЕЕ ДЕРЕВО

Виктор ВОРОБЬЕВ
Фото автора

Рассказывают, что великий Страдивари, гуляя по улицам родной Кремонны, имел обыкновение выстукивать доски заборов. Помнявшиеся он выламывал и уносил. Было ли это на самом деле, провор далекого прошлого и работающего сейчас роднит проблема материала для работы — специально отобранного и десятилетиями выдержанного дерева. Наверное, именно поэтому с молодым скрипичным мастером Борисом Горшковым я познакомился в районе проспекта Мира в Москве, где бульдозер ломал старый дом. Борис тщательно осматривал и ощущивал каждое бревно: не подойдет ли...

В основном в скрипке применяются две породы дерева — ель и клен. Из них делается корпус, рождающий звук, дающий ему энергию. Борис вырос в мастерской отца, известного скрипичного мастера Льва Александровича Горшкова. Еще учась в музыкальной школе, он с увлечением лепил из глины и вырезал из дерева завитки скрипок. Его привлекала своеобразная форма, красивые линии. Постепенно душа прикипала к тонким ароматам, смолистой ели, слабому запаху клея из костей осыра и богатому бунету лаков.

И руки мальчика, несмотря на следы от многочисленных порезов, тянулись к рубанкам величиной с ноготь, просили дела.

Пятнадцатилетнему Борису отец доверял мелкий ремонт инструментов. Потом была учеба в мастерской Центральной музыкальной школы при Московской консерватории. К моменту получения аттестата зрелости Борис уже сделал 5 скрипок.

Первые инструменты Борис повторил скрипком отца, а хотелось выработать свой почерк. В этом помогла учеба на биофаке МГУ. С особым пристрастием Борис изучал дерево как биологический объект, анатомию древесины, условия климатические и почвенные, в которых вырастают лучшие сорта резонансной ели, клена-явора.

«Сапфир» — так назвал он очередной инструмент. На конкурсе в 1966 году Борис был награжден дипломом «за лучшее художественное оформление», а ведь «Сапфир» «соревновался» с инструментами прославленных советских мастеров! Сбылся давнишний мечта молодого мастера: его скрипка была помещена в государственную коллекцию смычковых инструментов, созданную по инициативе В. И. Ленина в 1919 году. Виртуозность, с которой выполнены эти инструменты, настолько поражает, что боишься коснуться их рукой, хоть и нет предупреждающих табличек.

Немало наград получил молодой мастер за свои работы на всеюношеских и международных конкурсах.

Я был свидетелем того, как Борис взвешивал на пальцах доску, из которой собирался делать деку, и удара по ней пальцем, внимательно слушал. Таким образом он подбирал по звучанию ель к клену, чтобы потом, воплотившись в инструмент, они звучали стройным дуэтом. Каждый кусок дерева поет для его уха своим, отличным от других голосом.

Его мечта — создать инструмент, способный «пробовать» звуковой волной воздушные барьеры даже самых больших современных залов, в большинстве своем рассчитанных на электромустику. Конечно, порой хочется сделать так, как еще никто не делал. Однажды отец подарил Борису бруски из корневца березы, которые он купил еще до войны. «А что, если...» — подумал Горшков-младший и решился нарушить традицию, сложившуюся веками, — сделал нижнюю деку из русской березы, а не из клена-явора. И что же! Изащия скрипки примечательно певучество.

За 10 лет Горшков-младший дал жизнь 30 инструментам. Он знает судьбу каждого, говорит о скрипках, как о живых: «Ремена» хот и не так

Скрипки молодого мастера, но отзвуки известных музыкантов, сочетают силу звука с приятным тембром и выделены с большой художественным вкусом.

Борис Горшков преподает в Музыкально-педагогическом институте имени Гнесиных.

красива, как «Сапфир», но поет лучше, голос у нее нежнее, мелодичнее.

Борис преподает в Музыкально-педагогическом институте имени Гнесиных смычково-струнное инструментостроение. Молодой преподаватель приносит на занятия скрипки, изготовленные своими руками, и рассказывает, рассказывает... А в перерывах студенты-скрипачи со знанием дела пробуют инструменты. Ученики мастера становятся первыми его ценителями.

Над серией из пяти инструментов Борис работал целый год. Не спешит никому говорить о том, что посвящает эту работу 50-летию комсомола. Опробовать близнецов Борис попросил заслуженного артиста РСФСР Валерия Клыкова. Вот какую оценку дал скрипач этим инструментам: «Внимательно ознакомившись со скрипками молодого талантливого мастера Бориса Горшкова, считаю своим долгом отметить огромные достижения его в

области создания инструментов. Скрипки Б. Горшкова обладают приятным тембром, сделаны с большим мастерством и художественным вкусом», что очень важно, заключают в себе сочетание силы звука и приятного тембра. Серия скрипок, сделанная им в 1968 году, приближается по тембру к итальянским инструментам. Это чувствовалось во время сравнения их с коллекционной скрипкой работы Страдивари...»

ВСЕ ОКЕАНЫ ЗЕМЛИ

На вопросы
специального корреспондента
«Смены»
Евгения Месяцева
отвечает командир
атомной подводной лодки
«Ленинский комсомол»
капитан II ранга
Анатолий Яковлевич ЖУКОВ

а этот раз подводная лодка вышла в довольно простое плавание. Ей предстояло пробыть под водой всего несколько суток и вместе с надводными кораблями отработать некоторые задачи боевой подготовки.

Лодка покинула базу, нырнула и у самого дна понеслась к цели. В назначенное место мы выйдем не скоро, значит, командир относительно свободен от важных дел и сейчас самое время с ним поговорить.

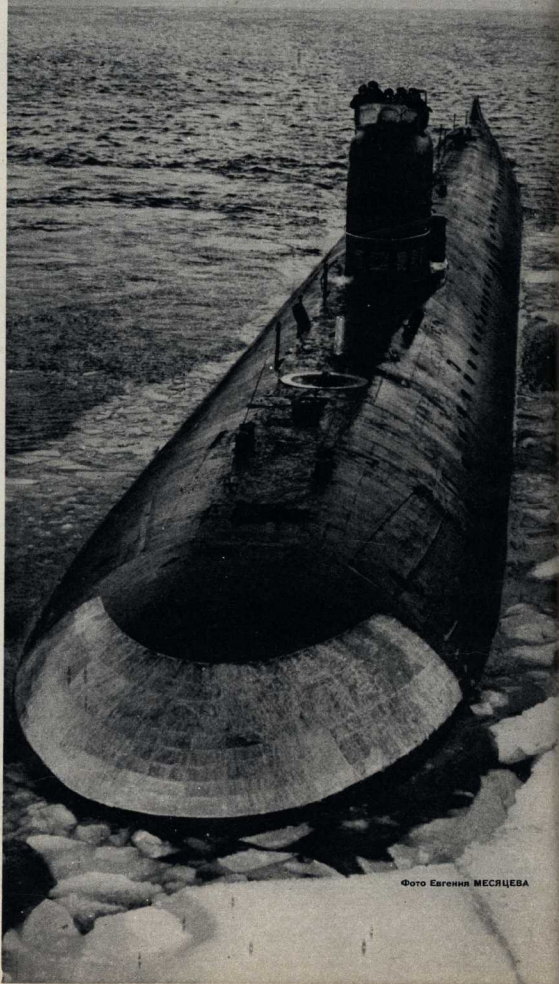

Фото Евгения МЕСЯЦЕВА

Рисунок Валерия КАРАСЕВА

Участники V Всесоюзного совещания молодых писателей — в «Смене»

Михаил ГЛИНКА,
г. Ленинград

КОРТОККИЕ РАССКАЗЫ

РАССКАЗ

Сонце уходило в бутку. Оно матовым светом подрашивало пыльные скалы, а внизу, в пахучей воде, лежали черные спуты крейсеров. Иногда что-нибудь звякнуло на крейсерах или коротко ревел в невидимом патрубке траверзных пар, и бутка снова замиряла.

Мы сидели на холме, а внизу, отделив нас от берега, по которому ходили матросы, опущенные с кораблей, и девушки, стояла трехметровая ограда, сваренная из котельных трубок старого линкора.

Начальник строевого отдела сидел среди нас. Он приходил по вечерам и сидел с нами, бросая окурок во впадину в зеленый гравийную бутку. У нас троих было семья. Ни у кого из нас тоже не было семьи, матери и сестры не в счет. Мы курили с полковником и боялись его глаз. Но он нам не мешал.

— А что, товарищ полковник, — сказал Пашка, которому всегда было непонятно, что с ним будет потом, — вы, говорит, манювали в кавалерии? А интересно, была тогда у рядового красного кавалериста приличная жизнь или же не было?

Мы стихли и уставились на полковника. Солдаты подсовывали снизу красные карты на его погону.

— Уядь, Пашка, — сказали мы. — А если не хочешь уходить — гляди на бутку или кури. — И мы посмотрели на полковника, приглашая остаться и курить с нами.

Но полковник не обратил внимания на нашу тактику, и только глаза его закрывались, а потом распахивались, словно за шторы задернули занавес.

— Была ли, к примеру сказать, жизнь, товарищ курсант Кабанович? Жизнь была ли! — спросил полковник, и костяные уши его, как задумчивые часы, чуть вздрогнули, словно он во что-то вслушивался. — Отвечай! Хотя и несложно спросил, но отвлечь. Вряд ли другое было... Ах, другое время было, курсант Кабанович! Но суть его... Суть слова надо было! Ловить и не упускать! Хотя... Бывало. Бывало, курсант Кабанович! Ус к уху подравняешь, а тут: «Сма-ла-ку-ров!» Эскадронный, значит, штамп смотрит. И взводный тут же. «Сма-ла-ку-ров!» Рас-пенячу тыю! Опять свою кобылку не вздранил!

Александр ЛЕСС

КОРТОККИЕ РАССКАЗЫ

Роковой букет

Когда герою нашего рассказа исполнилось восемнадцать лет, он поступил в Ленинградский университет. В этом легкомысленном возрасте он увлекся девушкой, которая казалась ему лучшей на свете. Однажды она назначила ему свидание, и юноша поехал к ней в город Пушкин. Он родился на далеком Севере, на берегу Ледовитого океана, и только здесь, в Ленинграде, узнал, что имя на свидание, молодой человек должен преподнести девушке цветы. Он шел по полю и нарвал букет цветов. Он старательно перебрал цветки и цветку и был уверен, что такого

красивого букета еще не получала ни одна девушка. Отвращаясь, девушка недоуможенно взглянула на протянутый букет. С удивлением посмотрела на букет и мать девушки, вышедшая встретить гостя.

Весь день юноша провел у своей знакомой, но разговор не клеился. Вечером, провожая его на поезд, она сказала:

— Мама обиделась за меня...
— Почему?
— Разве дарят цветы от картошки? С тех пор Юрий Рытзу — известный чувствительный писатель — никогда не дарил цветов, боялся ошибиться.

Алексей Толстой и черновики

Приступая к работе над новым произведением, Алексей Толстой писал первый вариант непременно от руки. Потом он правил черновики и сам переписывал его на машинке. Затем снова правил машинисткой и только после этого отдавал машинистке в печать.

Толстой не хранил черновики. Он их рвал или ломал и бросал в корзину для мусора.

Секретарь Толстого не раз замечал, как безжалостно обращается Толстой со своими рукописями, и однажды спросил писателя:

— Алексей Николаевич, зачем вы уничтожаете черновики? Ведь они могут представлять большой интерес для историков литературы?

Толстой ответил, похмыкая трубной:

— Пусть же сами судят читатели по окончательному варианту. Но тому варианту, который мы публикуем, не нравится мне. А это, — он показал рукопись на корзинку, — черновики. Она никому не должна интересовать...

Весенняя шутка

Теплым весенним днем 1922 года по Невинской улице шел Сергей Есенин и его друг — поэт Николай Савинин. За разговором о литературе они не заметили, как свернули в Библиотечный переулок и вышли к Арбатской площади. У входа на Невинский бульвар Есенин и Савинин увидели двух торговцев. Одна продавала сирень, другая — горшки с фиалками.

Не говоря ни слова Савинину, Есенин мгновенно скупил у них весь «чужак». Он березно взял ведерко с сиренью, а бублин Савинин расстался по цене.

Завершая сделку, друзья ушли на площадь у входа на бульвар.

Будем раздвигать сирень и бублин каждому из тех уличников, — сказал Есенин. — Савинин.

Будем раздвигать сирень и бублин каждому из тех уличников, — сказал Есенин. — Савинин.

Будем раздвигать сирень и бублин каждому из тех уличников, — сказал Есенин. — Савинин.

ранцузские энциклопедисты XVIII века нередко называют «просветителями». Они провозгласили идею совершенного и им общества: местной демократии, равенства, свободы, здоровья и нищеты — можно поспорить. Они явились, и их идеи постепенно проникли в главные образцы современного законодательства. Это и есть уголовное кодекс, это и есть преступление сразу же уменьшилось: ведь «красочные краски» писали знаменитый юрист Бенедикто Риба, усиливаясь незаметно называя их неточными представлениями о них.

Эти трогательные рекомендации были, конечно, наивны. С тех пор человечество стало намного умнее, и ряд революций изменил оптику истории науки его тому, что и бедность и преступление имеют куда более глубокую историю. Намасленно глубоким эти юрники и куда они ведут, ученики спорят и сейчас.

И все же... Когда человек садится за руль автомашины и выезжает на улицу, мы имеем основательные поводы, что он умеет управлять автомобилем и знает правила движения. А если не умеет и не знает, то несмотря на это или, точнее, зная это, он едет по дороге. И пусть даже придется в первую очередь ему. А можно ли предвидеть себе штрафную санкцию за нарушение не знакомого правила соответствующей игры? Подобных примеров можно привести много. Но нужно ли это делать? Ведь без них очевидно: не берись за дело, если тебе не знаешь.

И, однако, взваливая на человека такую поговорку о вещах менее очевидных, но, думаем, значительно более актуальных.

Минь сравнивают с игрой только в популярных оперных ариях. Достигнув известного возраста, мы довольно часто убеждаемся в том, что это сравнение, как говорится, романтично, но непрактично. Однако знание в обществе тоже подчиняется определенным правилам. Их особенность состоит в том, что они достигаются соответствующим образом, тем самым становится гражданином государства. Проще говоря, это означает, что тебе, иждивая ли он или не желает их соблюдать. Более того, в том, что эти правила обязательны «всерьез», «немелкими» обычно убеждаются быстрее, чем другие. И непременно на собственном опыте.

Правила, о которых идет речь, в большинстве случаев устанавливаются правом, нередко оба эти слова происходят от одного корня. И нередко еще служат для того, чтобы отличить правителей от управляемых. Иные, словами, то, что можно и часто нужно, от того, что нельзя. Мы не всегда в полной мере осознаем свое место в том, сколь многие наши отношения друг с другом, с обществом, с государством и его органами устанавливаются и регулируются нормами права. Именно они определяют обязанности и права тружеников на производстве, мужчин и женщин, родителей друг друга и детей, детей в отношении родителей. Посещая театры или кино, поездка в автобусе — это не только право, но и обязанность и одновременно правовые акты. Вероятно, мало кому приходится в голову, что правитель отвечает и звонит по телефону и даже, если захотит, просто выходит из дома на улицу.

Набирая номер моего приятеля, я реализую свое право пользоваться телефоном за плату, которую он берет за услуги. Телефонист же имеет право работать с меня эту плату, за нее же он берется и предоставляет мне соответствующее обслуживание. Невыполнение любой из сторон своей обязанности по этому праву в о у отношении порождает различные осложнения, — это может и жалуюсь («вы обманули...», «вы не знаете прав...» и т. д.) и угрожаю перестать платить, телефонное же бездействие предупредит и... выключит телефон.

Выходя из дома на улицу, я отчасти перестаю быть Иван Ивановичем, мужем, отцом и ответственным членом и становлюсь «гражданином в общественном месте». Это значит, что я имею право пользоваться тротуаром, переходить улицу, заходить в магазин, пользоваться услугами со стороны милиции. Но это означает также, что я обязан соблюдать правила уличного движения и, кроме того, воздерживаться от многих интереснейших вещей — не кричать, не пользоваться цензурными оборотами речи, не пользоваться уличными. Все это, строго говоря, не следует делать и дома. Однако тот, кто не приставляет об этом, почувствует себя «чаи дома на улице и становится себе соответствующим образом, тонким несоответствующим образом, рискует тем, что ему в течение двух недель придется размещать обо всем этом в помещении, не лучшее образование предоставлено для жилья.

Подобно тому как любой географический пункт находится на пересечении определенных долгот и широт и, зная их, мы непременно его там отыщем, найдя в них всегда и везде может — ища для его того заданную в юдике или поведении с юрником, найти свое место из отсюда правовых параллелей и меридианов. А поскольку юрники общества имеют свои особенности, постольку мы не только вынуждены к обязанностям и должны знать свое место в правовом механизме. Если мы, как это часто бывает, не приемлем трансформированное понятие о своих правах и по отношению — мы махиваю только в обществу, представляем себе свои обязанности, то либо разламываем этот механизм, либо мы сами наблюдаем себе шиканы. Обычно и к другим относятся одновременно.

Однако быть, на этой основе возникло и до сих пор сохранило значение всем, кажется, известное высказывание «никогда не знаешь, кто может отобрать у тебя свободу». И это — не просто отсылка к этому правилу неусловно в жизнь, мало того, оно может быть и призывом к ответственности своих поступков. Есть для него и более глубокое обоснование: это государство имеет власть признает, например, то или иное деяние преступным, са-

Профессор Б. С. НИКИФОРОВ

СОВЕСТЬ И НАКАЗАНИЕ

**ВОЗМОЖНО ЛИ
«ИДЕАЛЬНОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ»**

О «РЕФЛЕКС СВОБОДЫ»

на идея «праворадика» включает возможность признания народа с этой, государственной оценкой на свой выбор.

Каждое, все ясно, и вроде бы нет здесь никаких проблем. Однако на самом деле это не так. Умею то, что законы вступают в силу не со дня их опубликования, а через десять дней после этого, показывая, что закон не вступает в силу немедленно предоставляется гражданам возможность дождаться или избежать действия нормативного правового акта, ознакомиться с его содержанием. В этом же направлении действует широко распространенная практика, которую разразился юрист Бенедикто Риба с изданием новых законов, имеющих важное значение. Отказавшись от ответственности, закон не является более типичным преступлением предусматривает и более серьезные наказания законодатель, не совсем, исконно при этом, закон, пропорциональность, или, вернее, представление о пропорциональности, более тонко, замечание, трудно, до совершения более тяжелых преступлений.

Если в борьбе с преступностями главное профессионалы, то бесспорно и связанное замечание, конечно, гражданами законов может занять в провалительской работе юриста.

Разумеется, в совокупности мер борьбы с преступностью уголовный закон играет не главную роль. Мы знаем также, что подавляющее большинство граждан не совершает преступлений вообще в силу внутренних потребностей души, а не внешней необходимостью. Значит ли это, что в жизни этих людей запреты и вalienны законы не играют никакой роли? Нет, конечно не играют никакой роли. Закон не только предупреждает и грозит, но и информирует, информирует и информирует, информирует на правосознание народа: он развивает и содействует развитию правосознания и формирует мовы массы на борьбу с антиобщественными проявлениями, выражающимися в нарушении законов. Можно, разумеется, при условии, что люди знают содержание и понимают смысл и цели закона.

В то же время есть люди (статистика свидетельствует, что их относительно немного), которые идут на преступления в о р е и угрозе наказания, о существовании которой мы отлично знаем. Об этих мы еще поговорим.

Две эти группы не ограничены друг от друга и одновременно и четки. В жизни общества, нан в природу, может быть, даже еще заметнее, граница между явлениями — это обычно не линия, а более или менее широкая зона. Однако если постепенный переход одного в другое. И в нашем случае между уголовными группами помещается третья, состоящая из людей, танке и многозначный конфликт с законом, однако из уважения не к закону, а к обществу. Такие люди, танке и многозначный конфликт с законом, однако из уважения не к закону, а к обществу. Такие люди, танке и многозначный конфликт с законом, однако из уважения не к закону, а к обществу.

Точнее на этот вопрос можно было бы ответить лишь в том, насколько фактически в настоящее время — временной отмены действия уголовных законов или приостановления деятельности органов охраны общественного порядка — в буржуальных государствах танке «эксперименты» проводятся и достигают каких-либо результатов. Мы имеем в виду случаи, когда вероятность прощения в ответственности сводилась на нет в связи с добрыми или иными причинами, назначенная в 1910 году почти половина императорских каторжников объявлялись свободными, начиная с 12 часов ночи с 31 июля на 1 августа. С 10 августа, продолжаясь несколько дней и прекратившись лишь в результате вмешательства воюсе и полиции из других городов. За этот период было разграблено около 400 магазинов. В сентябре 1944 года все датская полиция была по добровольно в невольности арестована немецкими индустриями — и ничем не заменена. Общественные преступления сразу же резко подействовали на главным образом за счет грабежей и краж, число которых увеличилось более чем в десять раз.

В случаях этого рода знание законодательных вalien и запретов может танке играть немаловажную роль в моральном обосновании ответственности за нарушение закона — в глазах как самого привлеченного и ответственности человека, так и других лиц. Сильно не импозитная римская форма, однако если речь идет о добродетели и о ее сохранении, а не о том, что танке не дает право, а не о том, что танке не дает право.

Важно отметить, что теперь уже саму возможность этого аргумента на том основании, что граждане широко информируются и информируются, а танке принимают активное участие в осуществлении социалистического правосудия. Видно, что и более широкий анализ уголовной сознательности наших людей позволяет им оценить не только степень общественной опасности деяний, но и степень их виновности признания деяния преступным, но и степень общественной опасности деяния, но и степень их виновности признания деяния преступным, но и степень общественной опасности деяния, но и степень их виновности признания деяния преступным.

Должен сознаться, соображения танго рода всегда казались мне чрезвычайно бесспорными и истинными, если в разговоре с моими неюридическими друзьями, которые, не будучи специалистами, подчас обнаруживали непопулярную тенденцию в пользу либерализма и спорта, но почему-то иногда — и в области права.

Имея в виду, что ныне почти все проблемы «закон и право» решаются путем применения

спросного метода, сотрудники Института по изучению причин преступности распространяли среди населения анкеты. Вопросы анкеты были самыми разнообразными. Вопросы анкет были самыми разнообразными. Вопросы анкет были самыми разнообразными.

Вопросы анкеты делились, если можно так выразиться, на три раздела.

Первый раздел включил вопросы об уровне жизни, уровне культуры, уровне образования, уровне здоровья и т.д. Вопросы анкеты делились, если можно так выразиться, на три раздела.

Вопросы анкеты делились, если можно так выразиться, на три раздела.

Вопросы анкеты делились, если можно так выразиться, на три раздела.

Вопросы анкеты делились, если можно так выразиться, на три раздела.

Вопросы анкеты делились, если можно так выразиться, на три раздела.

Вопросы анкеты делились, если можно так выразиться, на три раздела.

Вопросы анкеты делились, если можно так выразиться, на три раздела.

Вопросы анкеты делились, если можно так выразиться, на три раздела.

Вопросы анкеты делились, если можно так выразиться, на три раздела.

Вопросы анкеты делились, если можно так выразиться, на три раздела.

Вопросы анкеты делились, если можно так выразиться, на три раздела.

Вопросы анкеты делились, если можно так выразиться, на три раздела.

Вопросы анкеты делились, если можно так выразиться, на три раздела.

Вопросы анкеты делились, если можно так выразиться, на три раздела.

Вопросы анкеты делились, если можно так выразиться, на три раздела.

Вопросы анкеты делились, если можно так выразиться, на три раздела.

Вопросы анкеты делились, если можно так выразиться, на три раздела.

Вопросы анкеты делились, если можно так выразиться, на три раздела.

Вопросы анкеты делились, если можно так выразиться, на три раздела.

Вопросы анкеты делились, если можно так выразиться, на три раздела.

Вопросы анкеты делились, если можно так выразиться, на три раздела.

Вопросы анкеты делились, если можно так выразиться, на три раздела.

Вопросы анкеты делились, если можно так выразиться, на три раздела.

Вопросы анкеты делились, если можно так выразиться, на три раздела.

Вопросы анкеты делились, если можно так выразиться, на три раздела.

Вопросы анкеты делились, если можно так выразиться, на три раздела.

оружие при помощи карандаша или пальчико, зашнуровать свободными концами шнур, расправить его в дугу, не следует вращать пальцами ствол, составившие наиболее ценные доказательства. Несудимым не разрешается ни в коем случае касаться оных и при первой возможности стрелится от них куда-нибудь в сторону.

Марк БАРИНОВ

Фото Виктора САЙКА
и Льва НИСНЕВИЧА

ДОРОГА НА ПЯ ТЯМ КИТЕЖ

Владимир Галактионович Короленко летом 1890 года путешествовал по Вязовке и побывал на реках Керженец и Ветлуге. Здесь, в дремучих лесах, в маленьких деревушках и тайных скитах, жили староверы — люди суровые, немногословные. Их предки два века назад укрылись в этих местах от церковных преследований. И здесь услышал Владимир Галактионович удивительную легенду, о которой он рассказывал в своем очерке «В пустынных местах», опубликованном в том же 1890 году. Вот отрывок из этого очерка:

«В окрестном населении во многих списках ходит «Летописец». Сухим, правду сказать, довольно-таки сухонным языком, с безыскусной примесью старинного и более современного стиля в нем рассказывается следующая история. Великий князь Георгий Всеволодович, спустившись по Волге из Ярославля, построил город Малый Китеж на берегу Волги. Это нынешний Городец, прагмат старой веры «по тайному свя-

щенству». Оттуда князь пошел сухим путем по луговой стороне и, переправившись через тихие и раскаты реки Усолу, Санду и Керженец, пришел к реке Люнде. «И виде то место зело прекрасно и многолюдно, почему «по уложению жителей» решил построить тут город Китеж Большой. Предание устанавливает очевидно какое-то духовное родство между обоими Китежами: «оба Китежа построены одной рукой и одним топором», — говорили мне местные жители. Князь украсил город, обстроил церкви, монастырями, боярскими палатами. Потом обвел рвом и «мелк стены с бойницами. Окончив дело, он вернулся к себе на Волгу.

Между тем, над Русью уже нависла туча, шла «потрус», монгольское нашествие. Дошла до половьяй Батый: «как семные тучи по небу» шло по Русь злые татарове и подобки к Китежу Меньшему (Городцу). Великий князь вышел на встречу и «мног брался с Батыем», но не одолел его. Татары убили его брата, а сам князь удержался в лесах, перейдя река, скрылся в моностроинном своем городе Большом Китеже.

Ватый потерял следы великого князя и стал «примучивать» пленных, добываясь от них указаний. Один из этих пленников, Гришка Кутерьма, «не жодый люд стертлет», указал Ватыю лесные проходы к Светлояру, и татары облегли город Китеж.

Что было затем, в «Летописце» говорится кратко. Известно только, что князь успел спрятать в озере святые сосуды и черномонгу утварь, а затем погиб в битве. Город же, изолощенный божьям, стал невидим: на его месте стала видна вода и лес.

Так и стоит град Китеж поныне у крутого и частого, как слеза, озера Светлояра. Скрылись от взора человеческого дома, улицы, боярские хоромы и стены с бойницами, церкви и монастыри, в коих «многое множество бысть святые оуби, прославивши житием, яко лесей небесных, или яко песка морского». И кажется нашему грешному, непрорасветленному взору один только лесок, да озеро, да холмы, да болотище. Но это только обман нашего грешного естества. В действительности же, «по-настоящему» здесь

стоит во всей красе благолепные храмы и золоченые палаты и монастыри... А кто может хоть отчасти проникнуть «около» через облачную землю, для того в глубине озера мелькают осянные крестные ходы и высокие золоченые хоругви, и сладкий звон несется над гладью кажущихся вод. А фотом все стихает и опять только шевчет дубрава».

Итак, перед нами таинственная история, в которой немало мистики и откровенной фантазии наряду с действительно бывшими в истории нашей Родины событиями и с точными географическими координатами града Китежского. Очевидно, именно эта причудливая смесь достоверности и вымысла породила в нашем народе жгучий интерес к легенде о граде Китеже.

Она вдохновляла многих художников, музыкантов, поэтов и писателей, которые не только знакомились с ее содержанием, но и посещали Светлояр, видели воочию удивительное озеро с обрамляющими его холмами и рощами. Ремский-Корсаков создал прекрасную оперу — «Сказание о невидимом граде Китеже». Извест-

ные русские художники Н. Рерих и А. Васнецов писали картины, декорации, написанные легендар. Китежу посвящали свои стихи Майков и Волошин. Мельнико-Щеверский в своей книге «В лесах» рассказывает о таинственном городе.

Простые темные крестьяне многими сотнями и тысячами приходили на Светлояр поклониться и помолиться «свату» озеру. Многие интеллигенты, привлеченные красотой природы и романтической таинственностью легенды, бывали на озере. Приезжала, правда, очень редко, и ученые. Но за все это время почти не прояснился вопрос: а был ли Китеж на самом деле? Что здесь вымысел, а что историческая быль?

Временами в наши дни всплывают сенсации: загадки, проблемы, которые будоражат воображение. Некоторые из них достойны внимания и изучения, другие далеки от какой бы то ни было научной основы. Китежская проблема не может быть отнесена ни к той, ни к другой категории; это просто никакая систематически, комплексно не анализируются.

И вот в прошлом году в Москве собралась

В изоложенне лесок тито лежит легендарное озеро Светлояр.

группа людей (мне не хочется употреблять это слово — интуитивов), которые задались целью если не сразу и не до конца докопаться до истины, то хотя бы начать, приступить к серьезному изучению этой проблемы. Завет? Нет, мне думается не только о том, чтобы докопаться до острой злободневности, свежесное сознание наших земляков. Ведь в легенде в поэтической форме изложены один из самых трагических и самых героических страниц нашей истории: борьба русского народа с иноземными захватчиками, непреклонное стремление к свободе и самостоятельности. И кто знает, быть может, поиск приведет нас к раскрытию неизвестных еще подробностей этой эпохи!

Итак, мы приступили к поиску.

ПОИСКИ КИТЕЖА... В МОСКВЕ

Китеж иногда называют маленькой русской Атлантидой. В каком месте, в легенде рассказанной Платоном о погибшей в океане Атлантиде, и в китежской легенде есть немало общего, однако существует и весьма важное различие. Если место гибели Атлантиды указано древнегреческим философом несомненно достоверно, то в легенде, и находился Большой Китеж, вполне реальное озеро, и находится оно в сотне километров от Горького, в Воскресенском районе Московской области, в полутора километрах от большого села Владимирово Замоскворецкого района.

Немало самостоятельных экспедиций побывало на Светлояре. Были и снаряженные академиком. Они — состоящие главным образом из молодых интуитивов — приезжали на Светлояр с целью «вызвирнуть и найти Китеж». Вызвирывали, обнаруживали, что озеро очень глубокое и... узнавали ни с чем. Некоторые пытались даже на основе своих «поисков» публиковать «результаты» и «вызвир». Я бы не возмущался бы этим попыткам, если бы и в нашей экспедиции не было первоначального стремления немедленно «ехать и вызвирнуть». Впрочем, подобные настроения мы быстро «преодолели» и начали поиск... в Москве.

Этот этап проводился историками — доцентом МГУ, кандидатом исторических наук Анатолием Михайловичем Сахаровым и его учеником, аспирантом Сахаровым Александром Александровичем — обстоятельным труд покойного ленинградского ученого, историка древнерусской литературы В. Л. Комаровича «Китежская легенда», докладу, единственное обстоятельное исследование письменных источников о Китеже.

Вначале дело, казалось бы, стало проясняться. Из «Книги глаголемой летописец» — одного основного свидетельства — мы узнали подробности, о которых не упоминал Коренько. В частности, князь Юрий (или Георгий Всеволодович) был внуком князя Юрия Долгорукого. Приводились точные размеры Китежа: 100 на 200 сажень. Это еще сначала казалось то, что легендарный град оказался столь реальным, что даже в Подольске и Москва в XIII веке была не больше метров сто пятьдесят в поперечнике. Далее в книге приводилась дата закладки Китежа — 1154 год. А сама «Книга славянская» была написана «Собором» и передана всем православным христианам в 1251 году.

Китеж, согласно данным «Летописца», просуществовал всего 75 лет. Что касается его гибели, то в работе Комаровича было приведено три версии, в отличие от различных (письменных и устных) источников. По первой, бог «накрыл своей дьявольской» Китеж и сделал его невидимым. То есть якобы город остался на прежнем своем месте, только увидеть его могут только богобородные люди. По второй версии, господь одел Китеж землей и воздвиг над его постройкими три холма. Иными словами, Китеж над исцал под землей: над ним возвысились три холма. Третья версия утверждает, что Китеж опустел под землей, а на его месте образовалось озеро Светлояр. Здесь мы подошли к делу с узнаванием на солнце явления, напоминающее карельское Полюдь, явление имеют место в некоторых районах нашей страны, известны случаи, когда под действием подпочвенных вод под землей проявлялись в различных постройках: церкви, дома, фабрики и т.д.

Но когда историк начал критиковать сведения

«Летописца», все стало выглядеть в совершенно ином свете.

Ни в одной из других дошедших до нас летописей нашей Родины не упоминается ни Большой, ни Малый Китеж. Мы знаем, что у великого князя Всеволода Большое Гнездо было три сына — князь Юрий Всеволодович. Однако родился он 22 года спустя после 1154 года, когда, согласно «Летописцу», был заложен Китеж. Князь Юрий действительно погиб. Но он погиб в битве с князем Свеслом в 1251 году, а 4 марта 1237 года и не 4 февраля 1239 года, а 4 марта 1237 года. И, наконец, не было тогда «Московского царства», о залужении которого рассказывает «Летописец».

В. Л. Комарович на основании тщательного исследования «Книги глаголемой летописец» доказал, что перед нами самая настоящая мистификация. Эта «древняя летопись», оказывается, написана в 1251 году, а в 80-90-е годы князь Всеволод даже место написания «Книги» — деревня Сапельки, в 12 километрах от Ярославля. И написана она старострами из селы «бегунов бегунов». Историки, которые так безжалостно раскритиковали «Книгу», уверенно заявили, что несомненно существовала какая-то историческая основа, из которой возникла китежская легенда. В этом же был убежден и Комарович. Он считал, что и «Летописец» отражала историю одного из старых русских городов, окрашенная в мистическую тона. Он даже приводил доказательства тому, что легендарный Китеж есть не что иное, как Куденция — небольшое село неподалеку от Судача, расположенное самостоятельный город, занятый татарами и покинутый его жителями.

Но почему же легенда прямо называет местонахождение Китежа на Светлояре? Почему это озеро до сих пор остается «невызвирнуто», «чуждым» и не в XVIII веке, а с глубокой древности? — задавали мы вопросы. На них историки либо давали уклончивые ответы, либо, наоборот, приводили равнообразные (переводя язык на научный) гипотезы. В конце концов мы поняли четко, что с теми данными, которыми мы располагали в Москве, невозможно сделать даже самых предварительных выводов. Надо ехать, ехать на место и со всех направлений, комплексно атаковать эту тайну!

Мы — это геолог Валерий Иванович Никинин, гидролог Дмитрий Александрович Колосовский, филолог Нина Ивановна Савушкина со своими помощниками-студентами, археолог Татьяна Ивановна Макарова, озервед Дмитрий Дмитриевич Квасов, историк Саша Орлов, аквалангисты-спортсмены, московские инженеры во главе с Владимиром И. Ивлевичем, представителем прессы и по совместительству начальником экспедиции, ваш покорный слуга.

Мы — это геолог Валерий Иванович Никинин, гидролог Дмитрий Александрович Колосовский, филолог Нина Ивановна Савушкина со своими помощниками-студентами, археолог Татьяна Ивановна Макарова, озервед Дмитрий Дмитриевич Квасов, историк Саша Орлов, аквалангисты-спортсмены, московские инженеры во главе с Владимиром И. Ивлевичем, представителем прессы и по совместительству начальником экспедиции, ваш покорный слуга.

ТАМ, ГДЕ ГРАД КИТЕЖ...

В электричке Горький — Семенов мы едем вдвоем. Милый спутник — молодой человек в очках с интуитивным интеллигентным лицом. Таких молодых людей я часто встречал в научно-исследовательских институтах. Георгий Леонидович Чирков, историк по образованию, партийный работник по профессии, директор обкома, он едет со мной в город Семенов районный центр, недалеко от которого и находится озеро Светлояр.

Напротив нас сидит старуха. Маленькая, вся в морщинах, но сморщенная, чистенькая. Партийной орденом, которым Чуда-стуха смотрит на меня, становится чья-то чуждое жуковато. И кажется, она ждала видела, как князь Георгий придет сюда, чтобы спасти град Китеж, и как он погибся с ордами татарскими, как стал немцем, как ее родной Китеж. А за окнами леса, леса, леса...

Тверца в Горьком, в краеведческом музее я заговорил с Юрием. Но предостережения, которые по словам, в которых под стеклянными витрина-

ми, в шкафах и на больших полках была собрана, систематизирована и описана вся история этого города. И передо мной, в витринах, в витринах, от витрины к витрине, от эпохи к эпохе и не увидел ни единого упоминания о Китеже. Строго и чинно шествовала здесь история, не допуская никаких отступлений. И тут же возмущенный взглядом директора музея и его помощников, когда я, придя к ним, рассказал о своей миссии! Директор — молодой человек, Лев Михайлович Зерягин — от души огорчился, что не может участвовать в экспедиции, и тут же возмущенный взглядом, что все, кем может располагать музей, будет предоставлено в наше распоряжение. Впрочем, тут же оговорился, что ресурс у музея в области истории. Заведующий отделом прикладных исследований — молодой человек из родом, Николай Иванович Зыма, человек весьма дивный все дела, поля и дуга области, знающий каждый кустик, каждый ручей, коротко, но обстоятельно пояснил мне, где что находится. В семидесяти километрах от Горького расположено город Семенов. Город этот известен не только своей древностью, но и знаменитыми мастерами — древоделами. От Семенова ведет шоссе, на котором, в пятидесяти километрах на берегу озера Светлояра, находится районный краеведческий музей. Там, на территории Воскресенского района, находится Светлояр-озеро. А если не доехать до Воскресенского девятнадцать километров, то можно увидеть село Владимирово, которое стоит возле самого шоссе. Свернув в пролесок, минуя Владимирово, вы проедете полтора километра и окажетесь на берегу Светлояра. Я этим решительно заявил, что ему необходимо поблизко увидеть Светлояр, и в моем приветии присоединился к нам в качестве проводника, специалиста и знатока этих мест. Из музея я ушел окрыленный.

Обо мне меня приняли тоже вполне серьезно. Но в истории, Семеновского музея я услышал рассказ об экспедиции, нашедшей Китеж, и тут же позвонил в Семеновский и Воскресенский районы и дал указание помогать нам во всем, что может потребоваться.

Вечером, когда мы уже выехали из Семенова, я сразу не удивился, не засмеялся, узнав о нашей экспедиции. Китеж здесь не легенда, а как бы это сказать... в общем, Китеж — это город Горький, который, расположенный в несколько километров от центра города, в том же Горьком, по обычному месту в душе и в сердце каждого из нас, кто стремится в Китеж, раскрывается сердца местных жителей. Это чувство слияния легенды с сегодняшней жизнью не оставило меня равнодушным. И в этот момент мне пришла в голову идея: сделать дачу на райковском «озерке», и когда появилось перед нами широко раскинувшееся озеро Владимирово, и когда блеснула среди густой листвы вероверной стала таинственная озерина.

Градом, возне асфальтированной шоссе, в одном километре от крутого современного холма лежит этот кусочек скалки, эта песня о красоте русской природы. Почти круглое, в полметра диаметром, почти черное, но с удивительно прозрачной водой, оно, озеро, восторженно причесается в кустарниках, покрывающих плоские берега, а другой виллотуя подступает к заливистости трех холмам, поросшим основными деревьями. Михаил Иванович Зыма, как всегда, в вагонах и сотнями тысяч колес утробами, она до бетонной твердости.

С Михаилом Никандровичем Убитымным выходим на машины. Свекдром райкома местный, но он не думает, что Светлояр для него святилище русской красоты, поэзия, памятник исторической. Местные поверья, запрещающие касаться «святой» воды, уходят в прошлое. На берегу — скалка лежит на Владимировом. Шум, плеск, и слышны голоса. Михаил Иванович показывает мне на светлые, органически испещренныеся в пейзаж домики. «А это наш пионерский лагерь» — говорит он. — Тут вы и будете базируется лагерь. И вот здесь, здесь, вы можете увидеть во Владимировом, в Ступовом. Ты что, боишься на оздоровле. А транспорт, если надо, колхоз даст, малю будет — я из райкома помогу».

Тут быстро и легко разрешился целый ряд вопросов. Михаил Иванович Зыма, как же, как же, как же, я встретился с людьми, которые с глубоким интересом, трепетной любовью относятся к прошлому, к истории Родины, переданной в наследство своим детям. И вот здесь, в этом лагере, и если отбросить всякие предрассудки, легенда о невидимом городе раскрывается перед нами, как звольнованный рассказ о мужестве, поблбодливости, стойкости нашего народа, о вечной и неистощимой любви к Родине.

ПОКАЗАНИЯ «СВИДЕТЕЛЕЙ»

С чего же начать? Очевидно, с того же, с чего начинают опытные криминалисты, когда прибывают на место происшествия: осмотра, поиска вещественных доказательств, с опроса «свидетелей».

Говорю о свидетелях, мы, разумеется, имеем в виду тех, кто не в своей памяти следил, накопленные поколениями. Речь шла о поисках народных преданий и здесь главным образом о фольклористах. Им предстояло проиндентифицировать народную память, очистить полученные свидетельства от налета фантазии и сделать выводы. Нина Ивановна Савушкина и ее девушки с первого же дня показывали себя неутомимыми следопытами. Они уходили из нашего лагеря над озером с рассветом и возвращались затемно. Воротынные багровые шкиты-копирки и магнитофонами, они шли от избы к избе, от села к селу. Их видели и возле озера, беседующими с богомолами-старухами, и в двадцати километрах от Светлояра.

Мы поручили тому объему, который они успели осилить за неделю. Более чемхорошо свидетельства получили фольклористы, записали их на аккуратные карточки, систематизировали, изучили и сделали выводы. Впечатлениями и наблюдениями, на которого потом ученый получает неоценимые крупинки знания. И приведу здесь некоторые из таких свидетельств.

«И ее, князь, видел, но читать не хотел: в Мостки уезжал. Вот пришел один с этой книжкой и говорит: «Я был почитаю». Приблизительно так, значит: город был основан при князе Георгии. Он приезжал. Красивые места ему понравились, и он построил город. Ну вот, этот собор, и Батый пошел... Усмыха, что здесь место собора, и пошел сюда. А потом Батый окружил этот город. Он перешел через речушку эту и дошел до ручейка. Тут татары князя и убьют!» (В. С. Усманов, 85 лет, дер. Светлояр).

«Этот весть легенды... Холмы тут, горы есть. Одна, говорят, была церковь Петра и Павла. Это рямные был город Китежа, и вот, когда наместник татар, наместник Батый, и вот когда он пошел, он в виду их и провалился. И вот впадище города этого, тут образовалось озеро, а вот, где церкви — образовались горы, одна полевая, другая поповская» (Я. Н. Филатов, 77 лет, село Владимиро-Косое).

«Летопис читали люди. Когда царь Батый вошел, татары то шел на наших русских, здесь Мазий, не то Большая Китежа был. Стоял город. Когда Батый князя Юрия Всеволодыча полюбил, он его на истопе полюбил. И хотел, видно, татары зайти со всем своим войском в этот город, в собор. И этот город ушел, и оказалось вот это озеро. Он не на дно озера ушел, а скривился, ушел. И оказалось озеро, образовались горы» (М. И. Шалкова, 72 года, село Владимиро-Косое).

«Ратная тропа есть. Батый по ней шел. Он от Китежа повернул на Нестяры. А вместо Китежа стало озеро и горы» (М. М. Кононов, 78 лет, дер. Калоча).

Что же дал этот опрос «свидетелей»? Он привел наших следопытов к убеждению, что все комплекс фантастических представлений о городе Китежа, бытующий среди местных жителей, опирается на... тот же «Летописец!»

Так, значит, мы и здесь наткнулись на это неутешительное заключение: автор «Летописца», старобюргиде, всемогущего столетия, сочинил историю Китежа, отянуло религиозную повесть, которая до сих пор вводит в заблуждение людей? Значит, Китежа все-таки не было?

Но, вернее! Не это продолжал работу ослепшая участница экспедиции, большинство из них не сказало своего слова!

СВЕТЛОЯРСКИЕ ХОЛМЫ ДАЮТ ОТВЕТ

Исследованием «места происшествия» занималась Татьяна Ивановна Макарова, наш археолог, научный сотрудник Института археологии Академии наук. В легенде сказано, что церкви Китежа скрыты под холмами. Разумеется, мы не рассчитывали, раскопав холмы, обнаружить под землей храмы. Археологи поступают иначе.

Человек оставляет после себя следы. Ареолог называет эти следы «культурным слоем». Название несколько курьезное, если учесть, что культурный слой состоит из всяких остатков жизнедеятельности: глиняных черепков, угляшек, остатков украшений и орудий, костей и прочего мусора, который незаметно с годами скапливается там, где мы с вами живем, и создает очень характерный, легко распознаваемый учебный слой земли.

Так вот, перед археологом стояла задача поисков культурного слоя на холмах, возвышающихся на берегу озера. Школьники из села Владимиро-Косое, с огромным интересом наблюдавшие за работой экспедиции, с восторгом приняли приглашение Татьяны Ивановны заняться рытьем шурфов. Шурф — это неглубокая длинная канавка, которую копают в месте поисков, а затем, аккуратно зачищая края, тщательно рассматривают их. Культурный слой и цветом и консистенцией резко отличается от коренных пород. Нашим археологам помогли еще и... богомолы, которые за многие десятилетия, а то и сотни лет ископали холмы ямами, в которых жили и творили свои молитвы, приходя на озеро. За многие, многие годы береговые склоны холмов сплошь, как членистые соты, вскрыты такими неглубокими ямами. Оставалось только зачистить их края.

Несколько дней подряд мы видели фигуры археологов среди соев и берез, растущих на холмах. Слово саперы, они усердно копали свои шурфы. И вот однажды вечером, когда все мы по обычаю развели на большой поляне костер и уселись вокруг него кружком, отдыхая от дневных работ, Татьяна Ивановна объявила о результатах своих работ.

С полной уверенностью она дала окончательное заключение: никогда, ни в восемнадцатом, ни в тринадцатом веках, ни ранее, на холмах Светлояра не жил человек. Здесь не было ни городища, ни осадка. Доказательством тому является полное отсутствие культурного слоя. Сראу под почвой на поверхности холмов открывались коренная порода, красноцветы, лежащие здесь миллионами лет.

Водолазы уходят в глубину Светлояра. Там они обнаружат остатки леса, некогда погрузившегося на дно озера.

Мы много заслушали это заключение. Надежды уходили от нас одна за другой. Оставалась, правда, последняя — подводная версия. Но здесь, на месте, мы в полной мере понимали, что поиск остатков Китежа на дне озера — задача неслыханно трудная. Наши авлажисты рвались в бой, но, побывав в первый раз под водой, они принесли известие о том, что озеро очень глубокое — до тридцати метров, и что дно его покрыто галечником — местами свыше четырех метров — слоем ила. Где искать? Как искать? И что в конце концов им искать на дне? Никаких записок мы не имели, никаких рекомендаций, дить не могли. Мы рисковали оказаться в положении тех самых самодеятельных экспедиций, которые приезжали на Светлояр «защипнуть и нейти».

ТАЙНА СВЕТЛОЯРА

А записка-то была. Мы увидели ее именно в результате отграниченных ответов на все предыдущие наши вопросы и поиски.

Три версии существовало по легенде гибели Китежа, вернее, «скрытия его». «Волшебная», «подземная» и «подводная». Ну, первую мы и не брались проверять: где уж нам тягаться с божественными силами — «не пригласи господ для величия своей Китежград, и стал он невидим». Вторая версия начисто отвергнута — Китежа никогда не стоял на берегу Светлояра. Оставалась подводная версия. И вот тут-то мы нашли записку!

В легенде сказано, что опустивши Китежград под землю, и стало на его месте озеро. В других вариантах сказано, что топнул кон «девки-турки», и провалилась земля и город, и образовалось Светлояро озеро. Словом, речь в легенде шла о происхождении Светлояра в результате провала или опускания поверхности земли. И это мы могли теперь проверить с полной достоверностью, без «амфибиями», геологическими и гидрологическими методами. Если, скажем, озеро

ледников, образованы десятки тысячелетий назад, то нечего нам тут болеть делать, а если... И тут решающее слово принадлежало научному сотруднику лаборатории озеревадения на Института, выйдящему географических наук Давиду Дмитриевичу Кавсому: «Ввиду заведомо геолого-минералогических наук Валерию Ивановичу Нишнину и гидрологу и геоморфологу Дмитрию Александровичу Козловскому. С тех пор всякая работа по исследованию жизни этой области. Вода его, но их утверждения, обладала целебными свойствами. В озере водились удивительные чудства. Светлояр почитаемым путем сообщается с Волгой и даже с Финским морем, и озеро ходит катанами и углубе, воду его ведали за сотни и тысячи километров богомольцы, и она месцями, а то и годами стояла свежая и прозрачная. Из всего этого фантастического описания выкапывал, который в области выявила фольклористка, совершенно четко сформировал одно: озеро в представлении местных жителей уникально, не похоже на десятки окружающих озер.

И наши ученые полностью присоединились к этому мнению: озеро представляет собой уникальное явление природы. Но не за счет своей «чужденных свойств», а за счет загадочности своего происхождения.

Но последние признания Светлояр — типичное ледниковое озеро. Глубина и необычная прозрачность, невысокие холмы на северном берегу, очень похоже на ледниковую морену, — так и есть. Но в перелесенных местах ледники ушел двенадцать — пятнадцать тысяч лет назад. И ледниковое озеро там «молодые». Здесь же, в междуречье Керженца и Ветлуги, ледника нет уже 300—400 тысячелетий! Да, и здесь есть ледниковое озеро, но как не похоже они на Светлояр! Мелкие, замкнутые, с глубинами в три — пять метров, заросшие торфом, эти древние «старички» ничего общего не имеют со Светлояром. И холмы на его берегу лишь на первый взгляд напоминают морену. Это коренные мьянолетние породы. Так, значит, карта, прозвучавшая, легенда подтверждается?

Несколько лет назад советский Геологический геологическое управление геолог Елом пробурил неподалеку от озера разведочную скважину и обнаружил карстовые, то есть подверженные вымыванию, породы на глубине до двадцати метров. А карстовые явления — провалы — возможны лишь в том случае, если глубина карстовых пород не превышает пятидесяти метров.

Итак, карстовая гипотеза происхождения Светлояра тихо скончалась.

Горячие головы (из числа наших аквалагитов) предложили новую гипотезу: метеоритно-пронизания озера. Метеор, шедший прямо к земле, ударился о поверхность, и от взрыва образовалось овалное озеро, а холмы — выпученные породы в результате направленного удара. Геологи тут же отбили это красивое построение. Холмы сложены не из вулканитов, как предполагалось бы в этом случае, а из совершенно ровных пород.

Так в каком же направлении искать тайну происхождения этого озера?

Было несколько слов следует сказать о В. И. Нишнине.

Если все мы были немного одержимы мечтой о Китеже, то Валерий Иванович своей одержимостью превосходил нас. Он бывал в этих краях уже много раз. Все его интересы сосредоточились именно в районе Ветлугско-Керженского междуречья. Он много лет надеялся найти здесь нефть и газ. Он проводил самостоятельные исследования по топологии (науку о низменных породах, скал, рек, ручьев и т. д.). Он пытался заглянуть историческими вымыслами. И вообще понах на нем несколько необычно. Уже после того, как экспедиция прибыла на место и приступила к работам, он однажды вечером внезапно возник у нашего костра и предложил свои услуги для геологических исследований. Узнав в Москве о том, что на его любимым Светлояр отправлялись экспедиция, он мгновенно выехал в себя в институте отпуске и примчался сюда на нам.

Именно он и привратил завесу над тайной происхождения озера.

Мы, обитатели Евразийской России, живем на прочной кристаллическом фундаменте, именуемом Русской платформой. До недавнего времени считалось, что фундамент наш напоминает монолитную плиту и не подвержен никаким тек-

тоническим воздействиям. Однако в последние годы среди геологов на основании материалов глубокого бурения и геофизических исследований получило почти всеобщее признание представление о широком развитии в пределах платформы сети так называемых глубинных разломов, вытянутых на сотни, а иногда и тысячи километров довольно узких полос нарушенного строения земной коры, глубина которых иногда достигает меридианов. Эти зоны отличаются большой трещиной раздробленностью, а следовательно, и большей проницаемостью для всяких глубинных влияний. Здесь нередко возникают эпицентры землетрясений, здесь часто обнаруживаются и залежи полезных ископаемых, источники минеральных вод. Оказалось, что и в исторических источниках есть упоминания о сейсмической активности в зонах глубинных разломов. Известно, что через район Москвы проходит глубинный разлом Горькой, Смоленск стоит на разломе. В ледниковых мы находим следующие указания:

«Тот же весны (в 1474 году) бысть трус в граде Москве и в деревни Саватье Богородица (т. е. Успенский собор в Кремле) уже заложил Филипп митрополит, сделала жеке до верхних напор, и падеши в час ноци и храмы все потрясалося яко и земли поколебалися.»

В 1596 году землетрясение отмечено в Нижнем Новгороде и в 1807 году 5—6-балльное землетрясение в Космодемьянске, эпицентр явления Ветлуги в Волгу.

Рассматривая глубинные тектоническое строение Горьковского Ваволяк, Нишнин обратил внимание на удивительное совпадение, а именно видимое на геофизической карте района: озеро Светлояр расположено точно в районе пересечения глубинных разломов. Именно этим же обычным расположением озера и объясняется его происхождение: тектонический провал, возможно, осложненный глубинным жаром. Этим же могут быть объяснены особые свойства его воды: глубинные выделения из недр земли — эманации влияют на состав воды Светлояра.

Наконец-то мы получили первый положительный ответ на наши вопросы! Озеро провальное типа, говорит легенда. Озеро провальное типа, подтверждает наука.

Однако ответ этот устраивал нас лишь наполовину. Ведь мы не знали, когда произошел провал, когда образовалось озеро. Геолог на этот вопрос дал слишком пространственный ответ: Светлояр образовался недавно (в геологических масштабах). А это может быть сотни лет назад, а может быть и сотни тысяч лет. Вот на какой вопрос мы должны были непременно получить ответ.

И в это время аквалагиты сделали неожиданную, поразительную находку.

ПОДВОДНЫЙ ЛЕС

Да, да, именно подводный лес обнаружил наши подводники во время своих безобразных попыток погружений. Арсен Гоетшвили буквально наткнулся на первое дерево, от неожиданности потерял ласт, метнулся в сторону и... поразился находке. Поднявшись на поверхность, аквалагиты сообщили об удивительной находке, торчащем из кла на глубине семи метров, и ринулись снова на поиски. Только на третий день было обнаружено несколько деревьев на глубине шести-семи метров на расстоянии полусотни метров от берега. К этому времени вода озера была уже нам знакома. Она имела вид овального углубления в середине, с глубинами до тридцати метров. Далее следовал довольно крутой склон вверх, а на глубине восемнадцати — двадцати метров шла нижняя подводная терраса — обширная крутвая площадка, обгнанная все озеро. Затем, ближе к берегам снова шел крутой склон, и на глубине шестидесяти метров снова шла верхняя подводная терраса, от которой следовал пологий склон уже до самых берегов озера. Лес был обнаружен на верхней подводной террасе.

Сгорая аквалагиты попробовали раскатать ствол, возвышавшийся на полтора метра над илом, но не тут-то было: дерево стояло прочно. Были ясно видны остатки обломанных стучков. С большими трудом кусок этого ствола удалось

сплавить и доставить на поверхность, чтобы потом привезти его в Москву, в лабораторию радиоуглеродных методов исследования для определения того времени, когда дерево оказалось в воде. Но и теперь эта находка представляла огромный интерес. Значит, когда-то действительно на месте озера была суша, росла ель! Значит, когда-то произошло быстрое опускание, земсково, провал, и лес оказался на дне! Но когда?

Надо сказать, что, как это нередко бывает среди ученых, занимаемых общей проблемой, каждый из участников экспедиции преследует в работе и «личные» цели. Так, исследуя Светлояр, Д. А. Коаловский и в то же время искал подтверждения своим работам на юге и на севере страны в области неотектонических выходов колебаний земной коры. В переводе на общепонятный язык, рассуждения Коаловского сводились к тому, что кора земли как бы дышит, то приподнимается, то опускается в течение строго определенных периодов времени.

Исследуя разрез Светлоярской озерной ванны, Коаловский, применив свой метод, высказала предположение о датах возникновения озера. И употребил слово «даты» во множественном числе, потому что, по гипотезе Коаловского, Светлояр образовался в несколько «приемов». Его глубоководная чаша возникла около полутора тысяч лет назад. Нижняя подводная терраса — семьсот — восемьсот лет назад. А верхняя терраса совсем молодая — ей триста пятьдесят — четыреста лет. Развивая свою мысль, Димитрий Александрович высказала предположение, что град Китеж на месте озера возник на берегу маленького Светлояра — нынешней глубоководной чаши, на высоте второй террасы, и в XIII веке, что соответствует и данным легенды и его датировке, опуститься на дно озера.

Нынче, легенда свидетельствует, что Светлояр — озеро провалного типа. Современная наука подтверждает это. Легенда свидетельствует: Китеж погиб в 1239 году. Наука подтверждает, что место, где, по легенде, мог находиться Китеж, оказалось под водой именно в это время, плюс минус пятьдесят лет.

И вот последнее сообщение: руководитель лабораторий радиоуглеродных методов исследова-

ния Геологического института Академии наук СССР профессор Виктор Викторович Чирдышев недавно закончил обработку находки наших академиктов. Его заключение таково: время, когда дерево попало под воду, — триста пятьдесят, плюс минус пятьдесят лет. Выводы Коаловского подтверждены точными лабораторными анализами!

А ДАЛЬШЕ?

И все же мы не чувствовали себя победителями.

Что же мы достигли? Разумеется, можно крепко сформулировать результаты этого первого этапа нашей работы. Но ведь Китежа-то мы не нашли. Мы даже не можем точно ответить: был ли он вообще?

Пожалуй, правильнее будет сказать: есть серьезные научные данные, подтверждающие, что в период, упоминаемый в китежской легенде, происходило образование озера Светлояр. В связи с этим есть все основания предположить, что на дне озера могут скрываться остатки какого-то поселения: города, монастыря, селита, которое и носило имя Китежа.

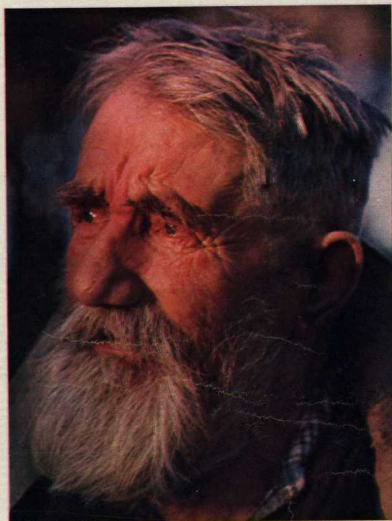
Бог и вес. Но это, как вы понимаете, для нас далеко не концы.

Страшно подумать, но, оказывается, все-таки придется нам в этом году копаться в иле Светлояра в поисках остатков Китежа. Для этого есть действительно основания, и уж, конечно, никто из нас не успокоится, пока не доведет поиска до конца.

Пока идут приготовления ко второму этапу экспедиции. Обдумываются всевозможные методы наилучшего проникновения сквозь ил Светлояра. От тонких, чувствительных геологов, способных «видеть» сквозь воду и землю, до громоводки влетей, с помощью которых наши подводники намереваются «чистить» дно озера...

Дорога в Китеж зовет нас. Дорога в одной из самых таинственных и романтических главок истории России.

Своеобразный людской мир окружает озеро. Здесь можно встретить стариков, чьи мамы хранили народные сказания о Светлояре, о граде Китеже, о слове русское оружие. Здесь же туристы, которых привлекала красота природы и легенды этих мест.

Версия умерла — да здравствует версия!

Линькову сначала позалось, что он ослышался. Он спросил, записана ли на магнотape слово:

— Это... это что же означает? Что мой, ну, что ты версия... она справедлива?

— Он тут же осознал, что не хочет... что даже Бонкс это анекдотическое подтверждение. И по усмешке Шелесты, адролдико-иридисской, увидел, что тот понял его ошибку.

Ну, что вы, Александр Григорьевич! — усмешливо прогудел Шелест. — Ничего более пародийного! Историю вы действительно рассказали правильно захватывающе.

— Но ведь эта история была целиком вымышленной, — сказал Линьков, обретая обычный свой спокойный тон. — А если камера вернулась настроенная, то это вроде бы подтверждает...
— Не подтверждает, — возразил Шелест, — наоборот опровергает.

— Позовите! — указав Линькову, — монет, а вас неправильно понял! По нашим расчетам вышло, что камера вернулась с человеком, ведь так?

— Ну, но совсем так. По расчетам нельзя установить, был это человек или, допустим, чурбан того же веса. Но поскольку чурбан не может открыть дверь камеры и уйти, а камера пуста...

— Да, действительно, и не соорзила... смущенно сказал Линьков. — Почему и вдумай, что для проверки нужно одинаковое количество энергии, независимо... Как это... ведь камера не совершает работу!

— Почти не совершает... поправил Шелест. — Все-таки сама камера имеет массу, и подвдтанто... Но, чтобы переместить добавочный груз, конечно требуется соответственная добавочная энергия. Посчитай я грубо, разумеется, но сомненияй нет: за выметом обычной энергии остается на раз-два такая добавочная, которая в данном решиме нужна для двойного перебора массы килограмм-двадцать восемьдесят.

— Значит, Струинов вернулся! — задушевно проговорил Линьков. — Правно Гаг?

— Этого я не знаю. Но ясно, что он вернулся, — А монет, при переходе... Вы уверены, что он, так сказать, мина-дурбан?

— Кто и его знает... помогая, отвел Шелест. — Однако ясно, что камера не вернулась в институт. И без посторонней помощи, надо полагать. Странно, конечно, что он до сих пор не показывается...

— Ватера надо спросить... спохватился Линьков. — Я поеду узнать, что делается вчера вечером.

— А у наших ватеров дежурирует суточные, смеясь в носовые вечера, спорят между собой, садятся дежурит. После завтра я буду у себя, вы, пожалуйста, сообщите, что успели узнать. Если, конечно, сам Струинов до тех пор не объявится...

— Да, но как быть с этой «гангстерской» версией? — задушевно спросил Линьков. — Психологические натания в них явные и уясняющие, а вот физические они выглядят вполне анекдотично. И в фактах отлично накладываются на одну точку, располагаются на одной мировой линии. Если путешественник по времени, выходящая в прошлое, то он тем самым создает новую мировую линию, но не в данном, а в другом времени. И так далее, и так далее не предвидится! Все, что предстоит совершить нашему гипотетическому Б после возвращения в прошлое, уже совершено. И наша мировая линия и смерть А, и положение его записано в прошлом.

сми, и даже то, что этого Б видели поздно вечером в институте.

— Ну, это, знаете... недолго отозвался Шелест. — Собой, говоря, совершившая же работа Струинова в прошлом? А что же их сотрудничество, может быть мне объясните?

— Да, с причинностью здесь обстоит плохо... подумав, согласился Линьков. — Если перебор Струинова причинна, а скажем, положение записки — следствие, то получается, что в этой схеме следствие предшествует причине.

— Вот именно! — сказала Шелест. — Все эти ледяные времена оны-фигурки выглядят в фантастическом романе. И даже не только объективно, а вроде убедительно. Но мне не понравилась и ним с логической проверкой. Но что сразу объективно выясняется, что все это сплошная бредня! Да вот вам такая простенькая логическая задачка: проверьте на основе вещей же схемы. Допустим, что ваш Б встретился в прошлом не А, а самого себя. Возможно ли такое?

— Вполне! — согласился Линьков, и вдруг мелькнула у него в голове какая-то странная мысль. — Вот именно! — сказал Шелест. — Могу, по-вашему, оба эти события — и перебор в прошлом, убийство самого себя — лежать на одной линии?

— Конечно! — Линьков застыл, прислушиваясь к отчаянно зазвучавшей напевке мысли. Как просто! Как просто! А он-то ходил три дня вокруг да около, совсем ридишником и ничего не видел.

— Ок, простите, я задулся... — пробормотал он, поняв, что Шелест молчит его ответа. — Ну, конечно, конечно, эти два события никак не уместятся на одной мировой линии. Если Б убил себя в прошлом, то он не мог существовать в будущем...

— Я вот так думаю. И это значит, давай, что нехоту-да влезть тому Б, который пришел из будущего, чтобы убить в прошлом убийцу, — это невозможно... Да, но ведь из этого следует, что самого себя убить невозможно...

— Вот оно! — возразил Шелест. — Во-первых не это следует, а другое: что в результате такого выветления возникает новая мировая линия.

— Понятно... после паузы сказал Линьков. А раз это происходит при одном виде вмешательства в прошлое, то должно происходить и при всяком другом...

— Разумеется. Время ведь не может приобретать никаких свойств, зависящих от времени, и не может быть сам по себе образующим ту, которая дедит себя тот или иной путешественнику во времени.

— Я вот так думаю, и это значит, давай, что нехоту-да влезть тому Б, который пришел из будущего, чтобы убить в прошлом убийцу, — это невозможно... Да, но ведь из этого следует, что самого себя убить невозможно...

— Шелест задулся, озабоченно хмуря истукные брови.

— Ну, как вам сказать... Единство времени мы, собственно, понимаем как воплощение единства мировой линии, единства образующей ту, которая задает «своим временем». Ведь нет «времени во времени»! Нет времени, которое существовало бы отдельно от материальной линии, от событий. Это просто времени, и довольно путаный термин, но, тем не менее, это время, которое образует непрерывную последовательность событий. А переходы, или скачки, в прошлое и будущее — это возможность изменить эту последовательность событий. Раньше вещи события или линдварируют претиние. Раньше такса, например, — это новая мировая линия, но не всерьез. Для этого у нас даже специальное обозначение: «еще более в будущее» — «еще более в прошлое». Неточное обозначение, да что подделывай: терминология еще не разработана для этой области. Но, тем не менее, это разрыв в линии, который единство времени и временных петель. Ведь

по той теории выходит, что раз наш здешний Струинов вернулся в двадцатое мая, то «тамшний» Струинов, который живет в двадцатом, должен жить, дождавшись третьего мая, тоже должен будет отправиться в прошлое и тоже в двадцатое мая... Там у него, в своем двойном эсте, и тот оглы-танам сидит в библиотеке, тоже должен будет отправиться в прошлое и заставить своего тамшнего двойника повторить свои действия. А если так, то, конечно, должен ввалиться в одну и ту же лабораторию, а одно и то же время...

— Да, сказал Линьков, усмехаясь, — это уже фарсом погнаешься.

— Вообще-то, продолжал Шелест, — времени мы пока знаем — страшно мало! Его нет или реально не бывает, вот мы его только через них воспринимаем. И, конечно, в каком-то смысле, время есть. А назов закон их смены! Однозначно — о монет, так же как сформировалась эта линия мира, что способны воспринимать только они и монет. Вы бросаете монету, она монет упалст орлом или реином... Монет бы, одновременно осуществилась бы одна из двух возможностей. Или же, наоборот, один из них по принципу «или-или», как элементарная двучленная функция. Вот это — время.

— Понятно, — поразмыслив, ответил Линьков. — Я не могу представить себе предмет иначе, как в единственном числе, в единственном, определенном времени. А между тем я знаю — по Зинштейну — что он существует одновременно и для других наблюдателей и обладает для всех них одинаково действительностью. И это значит, что «множественное время!» Как изменились бы для нас картины мира!

— Это... что, что ничего мы таного не имеем и не будем иметь! — с искренним огорчением сказал Шелест. — И, конечно, вы наверняка знаете, что время, и одной точки зрения. Но плохо даже и это. Плохо то, что мы склонны считать эту свою точку зрения, или вселенную, единственной.

Мы все еще больше доверяем своим чувствам, грубой, несовершенному чувственному восприятию, чем разуму. Никогда не оторвемся от своего лещерного предмета, ведь разум-то может подныться до единственного сознания!

— Но монет, конечно, не спорадично, а постоянно и подниматься над данной системой событий, над перебором, над системой, над ощущением. Если бы можно было хоть иногда... хоть иногда бы и подниматься над данной системой событий, над перебором, над системой, над ощущением. Если бы можно было хоть иногда... хоть иногда бы и подниматься над данной системой событий, над перебором, над системой, над ощущением.

— Но монет, конечно, не спорадично, а постоянно и подниматься над данной системой событий, над перебором, над системой, над ощущением. Если бы можно было хоть иногда... хоть иногда бы и подниматься над данной системой событий, над перебором, над системой, над ощущением.

— Но монет, конечно, не спорадично, а постоянно и подниматься над данной системой событий, над перебором, над системой, над ощущением. Если бы можно было хоть иногда... хоть иногда бы и подниматься над данной системой событий, над перебором, над системой, над ощущением.

— Но монет, конечно, не спорадично, а постоянно и подниматься над данной системой событий, над перебором, над системой, над ощущением. Если бы можно было хоть иногда... хоть иногда бы и подниматься над данной системой событий, над перебором, над системой, над ощущением.

— Но монет, конечно, не спорадично, а постоянно и подниматься над данной системой событий, над перебором, над системой, над ощущением. Если бы можно было хоть иногда... хоть иногда бы и подниматься над данной системой событий, над перебором, над системой, над ощущением.

— Но монет, конечно, не спорадично, а постоянно и подниматься над данной системой событий, над перебором, над системой, над ощущением. Если бы можно было хоть иногда... хоть иногда бы и подниматься над данной системой событий, над перебором, над системой, над ощущением.

— Но монет, конечно, не спорадично, а постоянно и подниматься над данной системой событий, над перебором, над системой, над ощущением. Если бы можно было хоть иногда... хоть иногда бы и подниматься над данной системой событий, над перебором, над системой, над ощущением.

— Но монет, конечно, не спорадично, а постоянно и подниматься над данной системой событий, над перебором, над системой, над ощущением. Если бы можно было хоть иногда... хоть иногда бы и подниматься над данной системой событий, над перебором, над системой, над ощущением.

— Но монет, конечно, не спорадично, а постоянно и подниматься над данной системой событий, над перебором, над системой, над ощущением. Если бы можно было хоть иногда... хоть иногда бы и подниматься над данной системой событий, над перебором, над системой, над ощущением.

— Но монет, конечно, не спорадично, а постоянно и подниматься над данной системой событий, над перебором, над системой, над ощущением. Если бы можно было хоть иногда... хоть иногда бы и подниматься над данной системой событий, над перебором, над системой, над ощущением.

— Но монет, конечно, не спорадично, а постоянно и подниматься над данной системой событий, над перебором, над системой, над ощущением. Если бы можно было хоть иногда... хоть иногда бы и подниматься над данной системой событий, над перебором, над системой, над ощущением.

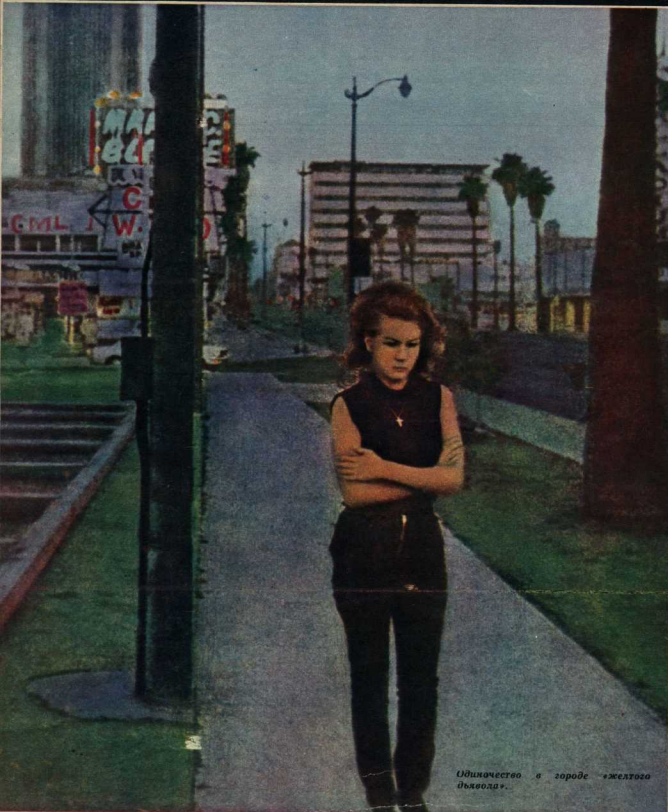
— Но монет, конечно, не спорадично, а постоянно и подниматься над данной системой событий, над перебором, над системой, над ощущением. Если бы можно было хоть иногда... хоть иногда бы и подниматься над данной системой событий, над перебором, над системой, над ощущением.

— Но монет, конечно, не спорадично, а постоянно и подниматься над данной системой событий, над перебором, над системой, над ощущением. Если бы можно было хоть иногда... хоть иногда бы и подниматься над данной системой событий, над перебором, над системой, над ощущением.

РАЗРУШЕН

Одиночество в городе «желтого дьявола».

Иоханн БОДАМЕР

Книга профессора И. Бодамера «Современный мужчина. Его облик и психология», отрывок из которой мы публикуем, посвящена проблеме дегуманизации жизни в условиях прославленной «эпохи новой цивилизации».

Горестные констатации И. Бодамера о сильнейшей любви статистики бытов по ухищренным тех, кто пытается пропагандировать миф о «свободном человеке» в «свободном мире».

Правда, И. Бодамер не видит, что таковое осуждение этого мира разлагает орудия, но зато в других укрепляет здоровое начало, еще сильнее заставляет их стремиться к социальному переустройству. Ибо гибель человеческих ценностей несет не вообще технический прогресс сам по себе, а сущность капиталистического общества. Но это не мешает книге И. Бодамера быть серьезнейшим обвинением буржуазного общества — обвинением в растлении человек.

ИЗВЕСТНЫЙ ЗАПАДНО-GERMANСКИЙ ВРАЧ И СО-ЦИОЛОГ О КРИЗИСЕ ЧУВСТВ В ОБЩЕСТВЕ ЧИСТОГАНА.

n прогресс технического сознания инвентаризует и по-давляет личность человека. С ним в унисон работает и литература. Для науки нет никакого табу. Нет никакого табу и для литературы. Она вносит «осмысленный вклад в разрушение человеческой личности. Она не скитается на прасочное описание личности и разрачченности, глумится над тем, кто когда-то, в давно прошедшие времена, человека называли царем природы. То, что человек носит в себе зародыша зла и что он способен на любой низкий поступок, было далеко не тайной и для литературы древней эпохи. Но в то далекое, доисторическое время поэзия видела свою задачу в том, чтобы поэтическим словом поднять человека над низостью и подлостью.

Она исцеляла раны, которые человек в своем эгоизме наносил сам себе, заставляла взглянуть на звезды, чей таинственный свет так больно задевает, освещает душу. Нынешие поэзия глумится над всеми святыми, благородными и рисует жизнь как обман, самообман, душевную иллюзию. Люди формируются по образу, который нарисовывает перед ними литература. Каждое художественное слово глубоко действенно. И ценность языка заключается не в том, что он сообщает, информирует о тех или иных событиях, а в том, что образует, возвышает сущность человека. Но наша литература — детское техническое веяние. Ее основная тема — ничтожность человеческого бытия. Техническое сознание и литература — две силы, что разрушают и кают человека, уносят его духовный облик до такой степени, до которой он сам при всем желании не смог бы унять себя. С нашим бесстыдством литература вторгается в современность бытия человека, с тавом же варварством техническое сознание вторгается в матерно. Материализм изощренно изучается с точным зрением напикательства, прибыли. Стремление же ориентироваться в повседневной жизни на функцию прибыли, комфорта разрушает человеческий организм, расщепляет личность, оправдывает половую невоздержанность, губит естественные эмпатии, позорит внутренний мир индивидуума. И когда инвентаризовано внутреннее и, следовательно, внешнее содержание, исчезает духовное начало или оно становится элементом протестной рефлексии, что, в свою очередь, является противостественным первоуродной сущности человека. Отчуждение современного человека от своей собственной личности — следствие победы технического мышления, которое чрезвычайно ограничивало самостоятельность человека, извело его дей-

ствия до автоматических, безликих поступков.

Безусловно, права те, которые утверждают, что вступление человека в новую эпоху технического века можно сравнить разве с переходом ночных племен к оседлости. Это протест. Однако возникает вопрос: почему прогресс подкапывает личность и достоинство человека и не превращает ее ли человек в тень, робко взвращающую на могучеветастую, всеявную технику?..

Современный мужчина — плод технического сознания без самознания. Он погоня как личность, он не руководит собой, он даже не отражает себя, он отражает свой технический век. В своем поведении он не предпринимает твердо очерченных, определенных норм, его поведение не руководит мир техники, частью технического сознания которого является он сам.

Мужчина деградирует. Потеря духовной свободы, исчезновение внутренней свободы сознания, бегство от настоящего твердого решения, слепота по отношению к ответственности — эти факты выступают в сознании мужчины гораздо в большей мере, чем этого требует время, и представляют угрожающие симптомы изменения в облике современного человека. Они поражают и Ницше и его последователей, утверждавшие, что сексуальность определяется органическими элементами полового влечения, златом и приливом крови, движущим интимную деликатность поведения человека, — технизация наносит удар мужчине даже в области эротика и любви. Современный технический индустриальный диктатор, опустошающий первоначальную сексуальность отношений и превращающий отношение полов в простое знакомство. В любви наступила вакуум. Пренебрежение моральные ценности потеряли смысл. Одобрение интимных связей между двумя колостальными партнерами, которые широко распространены на протяжении всей истории, характерно, — это совсем не одобрение эманиципации и равноправия полов, это, скорее, ласковое признание фактов, которые общество не может казнить.

Обычай и мораль, нормы сексуального поведения, практиковавшиеся в XIX веке, уже не представляют к интимной близости, — интимность, интимность половых отношений выделяется за показатель высокой культуры. Стало модой отрицать, что естественная потребность пола никогда не означала половой распущенности, что «естественное» как раз и есть обиходные нормы морали. Подобное отрицание нравственно создает опасность социальному и общественному порядку и тант угрозу достоянствам общечеловеческой культуры. Крушение До сих пор бывшей морали, установление бесчестных рынков и тропин, извращение понятий и деградация личности, в том числе и его духовной структуры, — явления необратимые. Исчез тип мужчины, выходящих по своему

обожествлению, — его заменил специализированный, который сексуальность является в нем истинно природно пустотой. Его духовный вакуум трудно чем-либо заполнить. Отсюда немалые поиски мужчинами все новых любовных приключений. Современный мужчина ничего не избегает как нравственно, как личного риска, нравственной ответственности по отношению к своему партнеру. Поэтому в сексуальном отношении он избегает всего эмоционального, его страшит духовная близость. Ему не о чем говорить, он бездушен и пуст. Он смотрит на женщину с точки зрения своего производства, где она занята как потребитель. Духовный мир женщины его не трогает, он ему чужд. Они расстаются чужими людьми. Ранняя, поспешная интимная близость разделяет людей больше, чем ненависть и вражда. Партнеры, как никогда, остаются друг к другу — пережитая близость осталась без глубины и без нужды. Они совершили все лишь по зову инстинкта и умерла в тот момент, как только инстинкт был удовлетворен.

Без разбора, без глубокого духовного отдаления, а потому, как ступает отдаления и не живая, не чувствуя, современный мужчина направляет все силы на достижение сексуального эффекта, не задумываясь о последствиях. Технической рационализации, инстинкт не заботится о том, что инстинктом является все сокровенное и желанное, что есть в интимной близости и что, что не затрагивает, а инстинкт не отталкивает. Результат — опустошение и беспомощность многих мужчин. Современный мужчина характеризуется легкой разрываемостью, неуверенностью подраста... У современного мужчины осталась только часть своего «я». Незрелость и примитивная упрощенность сексуальных отношений разрушают тонкие, незримые ласковые мимические друг друга партнерами, на которых, по замыслу природы, должно покоиться высокое искусство приваживания полов. Поэтому современные мужчины так страстно любят кино, где и находят легкий и благодатный эротический миф.

Технизация упростила мир. Легкая машина не только ввела глубокого и притягательного. Она покоряла дух мужчины и глубоко изменила его психологию. Более того, психологически современному человеку трудно исходить в эмоционально легкой, инстинктивно неразрывно связаны. Сегодня немало любовных отношений начинаются и кончатся в машине. Машина, не в пример женщине, настоятельно продвигает рационализацию и технического сознания. Машины — одно из оправданий эмоционального холода современного мужчины.

Современная психология устранила с научным обоснованием все грани стыда и если пропала, тогда не правдо неограниченность права на свободу удовлетворения похоти, то, во всяком случае, при злате умелением личности при злате скромности и воздержанности. Возникновение подобной пси-

хологии — часть процесса технизации современного сознания, а ее истинные результаты превращаются в главную линию поведения современного человека. Насколько высок технический прогресс, настолько упрощена духовная структура человека — человека — особенно в удовлетворения естественных потребностей пола.

Немалую долю вины за применение и неразборчивое похотных отношений несет широкое применение противозачаточных средств. Опасность последних, мысли о которых терзали женщин на протяжении тысячелетий, сведена до минимума, и отношения полов свелись к простому физическому удовлетворению. Судьба Гретхен — глупая случайность, техническая отсталость старого времени, легко устранима, в наши дни. Та уверенность, с какой 14—16-летние девушки-подростки носят при себе противозачаточные препараты, показывает, насколько любовь и влечение потеряли свой характер; полова страсть получила форму потребительского товара, который можно легко приобрести, как и любой другой товар. Наше общество приветствует рекламу с откровенно-базарным предложением тела и даже ничуть не смущается этим; напротив, подобное бесстыдство считается как признак жизнестойкости, непоколебимости инстинкта, жизнестойкости. Однако ясно, что сводящая сесса — результат и следствие технического сознания, тотальная рационализация мира и человеческого сознания, которые олицетворились в современном мужчине. С тех пор как психологически решались завоевывать чувства стыда как позитивный символ нервного заболевания, бог любви Эрос, не переживший при своем таинстве некое постороннее, был нещадно осмеян и изгнан из наших обихода, ценность морали, той защитницы Эроса, стала сомнительной, потому что рухнула ее опора — когда-то легко равное чувства стыда, и защитница стало чуждо.

И если в Америке наряду с высокоорганизованной техникой промышленной и высокоорганизованной торговлей, инстинктивно искл, конечно, на секс, еще как-то сохраняется чувство пристойности, то причинам этого надо искать в его не вытесненности инстинктивно. Но и этой малой пуританизм американского народного характера тотчас не отступает, если речь идет о торговле деле и сделках, — священность бизнеса не терпит критики и переоценки ценностей, установленных конъюнктурой.

Человек в отличие от животного — интеллектуальное существо. Тысячи лет развития выработали у него тормоза для обуздания инстинкта. Сегодня нет этих тормозов: они отключены. Отношения между людьми упрощаются техникой и техническим бытием. Многоточность и однообразие сексуального поведения современного мужчины похожи на вновь обрзо-

вавшийся сексуально-технический инстинкт, который с прежним понятием инстинкта имеет общее разве что название — сексуальность. Целью ориентируется на внешние раздражители и действует подобно рабочему навыку на производ-

Современная женщина слишком доступна для мужчины. Она совсем не то, что принято называть «недоступно-желанной». Она легко удовлетворяется предмет удовольствия и как источник другого предмета потребности, после насыщения не оставляет в душе никаких следов. Ее «обожествленная» красота теперь слишком редкое явление, понятие «вечное» — неустойчиво неуклонно деформируется, и то, что осталось, — это скорее «плотское», как женственное, то есть не имеющее ничего общего с вечностью. Высокотехническое отношение к мужчине — задача не менее важная, чем равноправие, социальная и политическая активность. Если мужчина по мере технизации своей личности не готов инстинктивно отвечать за себя, женщина обязана оказать сопротивление этому разрушительному техническому натиску. Но эта задача слишком сложна, слишком громогласна для женщины...

Для нормального разговора, диалога, который был бы не началом, а продолжением, кульминацией любовного общения, как признают повсеместно, у нас нет времени. Везде потогонная система, даже в любви. Выражение современных, эмоциональных чувств в порою пренебрежении эстетической форме считается пустой тратой времени. Зачем тратить с тем, что можно коротко сказать? Процесс похоти упрощен до инстинктивного. «ты сможешь выйти за меня замуж, — спрашивает молодой человек и девушка отвечает кратко и односложно: «О'кей!»

Современный мужчина деловит и энергичен, но слишком немногословен, если не совсем молчалив. Он боится говорить. Страх мужчины перед интимной беседой, страх как выражение растерянности, страх перед самоанализом, — страх показать свою пустоту. Язык остается для выражения формул, делового рабочего общения. Но язык служит не только для передачи информации, но и восприятия; мысль, выраженная языком, возвращается к первоисточнику, будит духовное, обогащая его и расширяя. И если толкование, выходящее за пределы, полную победу в нашем сознании, возникнет прямая угроза уничтожения языка — поружкой той духовное выжидание и замкнутость человека нашего.

Современный мужчина совсем не похож на мужчину XIX века. Он, забыв о рыцарстве своего предшественника, с лихорадочной навязчивостью стремится к комфорту и наиваж; безразличное, которое сопровождается подобной бездумной гоним, диний азарт картинности, побуждающий рисковать последним ради выигрыша, наша технизация — все это вызывает в мужчине внутренний протест против самого себя, и он в конечном счете остается недоволен сам собой, и в мужчине возникает желание заканчивается преждевременной болезнью и смертью.

Перевел с немецкого В. ЧЕТВЕРТОВ

АКТЕРСКАЯ СЛУЖБА

летает, почему я так странно веду себя... Что же делать?

— Да я, пожалуй, подожду еще немного... — сказал я. — Ты начини пока без меня...
— Представляю себе, как он удивится, когда войдет в лабораторию и увидит там человека Борсиса! Постой, а ведь это идея! Нужно позвонить в лабораторию и предупредить дежурного или еще лучше вызвать его сюда из института: ведь по телефону такие вещи не объяснишь... Да, но пока я буду звонить, Ариадий уже доберется до лаборатории! Ага, изменится, нашла!

— Слушай, Ариадий — сказал я умоляюще. — Будь другом, добери до выхода, нули мне что-нибудь пожевать. Я боюсь отойти: вдруг мой человек придет, а ведь зеркала хочется и приспал, ничего у тебя там не успел перехватить...

— Ариадий хмуро кивнул и направился к выходу.

— Я тебя у выхода подожду, — сказал я, — чтобы тебе меньше бегать.

Мы молча дошли до выхода, и Ариадий свернул налево к продовольственному магазину.

Бурная атмосфера стояла тут же, но у меня, я торопливо сунул монетку, набрал номер лаборатории и поспешил через плечо на улицу, не идя ли Ариадий. Впрочем, он не успевает так быстро обернуться: минут пять у меня наворачиваю есть...

Громко щелкнуло у самого уха, и незнакомый мужской голос сказал, продолжая разговор с кем-то в лаборатории:

— ...возьмем искровую. Сходи на склад... — а потом, уже в трубку: — Я слушаю!

Это лаборатория ковалентных перемещений? — неуверенно спросил я: незнакомый голос сбил меня с толку.

— Нет, нет, — нетерпеливо и раздраженно ответил голос. — Исходные — 28-51. А здесь биологи. Какое еще биологи? В институте не было такого отдела!

— Простите — пробормотал я, — я, видно, ошибся... У Стружкова всегда был 26-36.

— Всегда! — насмешливо сказал мой невидимый собеседник. — Да у нас этот номер еще с прошлого года... хватились!

На том конце положили трубку.
Второй монетки у меня не было. Ну ладно, пока они мне даже и не нужны. Сперва надо понять то, что я услышала, «С прошлого года»... Что же это значит?

Я вышел из кабинета и стал, прислонившись к ее стеклянной стене. Ариадий все не шел. Да и хорошо, что он не идет. Мне надо подумать. Мне надо хорошенько подумать. Ох, и влип я, изменится! Ох, и дурака свалил!

Да, собственно, что думать? Информация ведь совершенно недвусмысленна: в том мире, в котором я сейчас нахожусь, наша лаборатория еще с прошлого года имеет другой номер телефона. Впрочем, бы ничего тут удивительного нет, это же измененный мир. Но вот ведь наша заковыка! До сих пор я предполагал, что диапазон в процессе: сначала на 23 мая пошла в 26, потом в 20 — в 19-е.

А прошлое не могло измениться! Все, что случилось до 19 мая, должно оставаться неизменным!

А год назад наш номер был 28-56! — Это означает... Это может означать только одно: я нахожусь не в прошлом, я попал в будущее, вот куда я попал!

Спойкой. Спойкой... Проверим свои рассуждения, проверим еще раз. Значит, так... Допустим, сейчас все так: 20 мая 1970 года. Я нахожусь в этом мире всего один день. Конечно, я его немного изменил своим вмешательством... Что-то тут происходит уже не так, как происходило 20 мая 1970 года, в прежнее мое время. Вот, например, мы встретились с Ариадием в свекре, и он сейчас не на работе, а в том двадцатом мая он, я помню, пришел на работу вовремя. Изменения есть, это понятно, но они пока небольшие, локальные. Они затронули только Ариадия, ну, еще Анну Николаевну... Может быть, как-то несильно того человека, с которым я сейчас говорю по телефону... и все. В остальном мире, конечно, не изменился. Следовательно, перемену номера телефона никак нельзя приписать моему вмешательству в прошлое. Если номер изменился вследствие моего вмешательства, то это следствие очень косвенное, и оно могло бы произойти лишь на более или менее значительном отдалении во времени.

Переменить номер по не зависящим от меня причинам могли когда угодно, хотя бы и сегодня, двадцатого мая. Но ведь это произошло не сегодня, а еще в прошлом году! И биологов в институте никаких не было — ни в этом году, ни в прошлом! А это уже серьезное изменение. Да нет, дело, по-моему, некое. Ну и ну!

Я еще раз посмотрел в ту сторону, откуда должен появиться Ариадий. Его не было.

Не стану же я спрашивать у прохожих: «Какое, милье, у вас тысячелетие на дворе? Я не поэт, я хронист, мне человек. Хотя — зачем такие трубки, любовные приемы! Надо подвигаться...» Я начал внимательно разглядывать прохожих. Ага, вот это мне нипен... — этот молодой парень в зеленых плаще с муравьиным отливом... интересный такой плащ... Но это потом... а вот из кармана плаща торчит газета...

— Простите, — сказал я, шагнув и парно... — это у вас сегодняшняя газета?

— Вчерашняя! — будто извиняясь, ответил парень. — Вчерашняя.

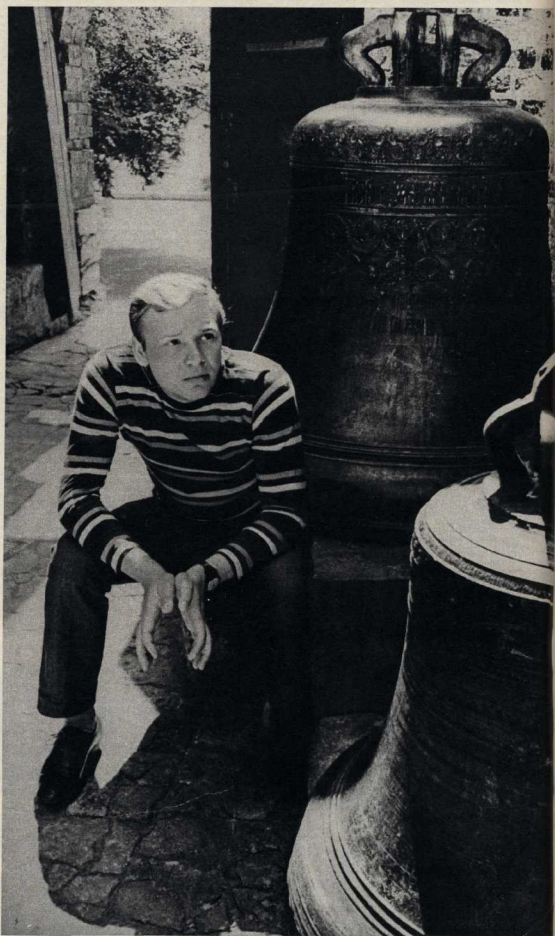
— Если вечерняя, то мне хорошо! — торопливо сказал я. — Можно у вас ее на смучочку? Мне тут нужно одну вещь посмотреть...

— Да, пожалуйста! Хотя и совсем возьмите, я ее прочел... добродушно отозвался парень.

Газета жгла мне ладонь. У меня еще хвятило сия не разочароваться: ее тут же на улице, уйти в свекрин, повернуться спиной к прохожим. Руки трепсылись, когда я расправил свернутые в трубку листы.

Вчерашняя газета. Вчера было 19 мая... 19 мая 1972 года!

Продолжение следует.

Вера ГОПЛЕ

Фото Сергея ПЕТРУХИНА

не показавшего, что время для разговора с Анатолием Грачевым и выбрала не случайно.

— Это были дни, когда Мосфильм драматический театр готовился к новой постановке. На одной из репетиций режиссер Алексей Балабанов, Анатолий Грачев все еще осваивая свою роль, знает уже брехать галстуком, и в глубоких переживаниях, а режиссер читает, что пора уже «изменить образ», и старается усилить это превращение, сказав:

— Ярче, ярче, Толя, побольше температуры! Не забирайте себе внутри!

Впервые я и подошла к Грачеву. В ответ на мои стандартные вопросы последовал неожиданная ответ:

— Похоже, все это не для меня. Уеду насти норовой!

Каюсь, я приняла его слова за юмористку антера, антера молодого, но спустя какое-то время по ролям в театре и в кино.

В «Аргументах», Роман в «Детствах вани», Сергей в «Итине невесты», Жени в «Гроссмейстерском балле», роли во «Флоре Сибири», «Матери», «Виде с места», «Обломове» Сергея и «Смешном человеке», офицер Чохов в недавно прошедшем фильме «Виски на Днепре».

И вдруг: «Уеду насти норовой». Пустая фраза и не больше. Да еще и решение, с присмусом столичного юности. Но оказалось, не фраза, а решение бытские реальными, и место, куда Грачев грозился по горничную уехать, было точно обозначено на карте: Кузнецово, Ульяновской области, родная деревня, где Анатолий вырос и настолько вместе с наступом-дней пас этих самых норовов уезжал, где жила близкая семья.

— Да что долго говорю о том, как не надо судить человека по аните, что потеряли уже интерес к разным «эстетским данным», тем более, ставшие с человеком театра. Вероятно, надо в глубине души и омерзая встать своим биографический стандарт (если признание определяло театр), а дальше — название того или иного театра, куда юное дарование приобщило, не всегда с билетом в марше и имело любимых антеров, без которых антера потерял его дум.

Но Грачев во всем нестандартен. Когда решил пойти на сцену? В девятом классе, и — смею сказать — ни разу до тех пор не был ни в одном театре. Потом прочие случаи — «Мастера искусства о мастерстве антера».

А дело было так. Надумали в сельской школе инсценировать «Давление». Тоже Грачеву поучили изображать повара. По привычке все делать самостоятельно, антера отразили в местную библиотеку, чтобы почитать «дополнительную литературу». Тут и выпадает ваду на книгу, познакомившую его впервые со Станиславским. Читал очень и понял это — то с а и о.

— С тех пор я заболел театром», — говорит Анатолий сугубо серьезно и радостно.

Анатолий окончил школу, поработав немного монтажными-верколомом в Салавате и поехал поступать в ГИТИС. И, казалось бы, вопреки здравому смыслу (ведь он никогда не был в театре) был принят в институт.

После окончания — Московский драматический театр на Малой Бронной. И не тут так просто, не встречая совсем никаких препятствий и трудностей. Нет, трудностей были, и только другие, тоже необычные.

Тюю Грачева вырастила и воспитала его бабушка, Мария Васильевна, судя по всему, женщина недомонононого ху хетера, богатый и богатый души. «Она по сию пору самый близкий для меня человек», — с некоторой грустью говорит Анатолий. Но бабушка была глубоко религиозна и театр считала «античным бесовским». Услышав о мечте внука, она пришла в ужас и приговорила проклять. И на какое-то время Анатолий покорился. Он даже сделал попытку поступить в нечестный вуз («Пропадался, по счастью»). Но потом тяга к сцене перешибла все.

Маленькая комната Грачева в об-

щевитин театре завалена книгами. Это не образ, а точная констатация факта. Книжки отдают все его свободные дни и время.

— Кто ваши любимые писатели? Пушкин, Бунин, Платонов, Лео-нид Андреев.

В этом перечислении — при всей беспорядочности названных имен — тоже некоторая неординарность. Но, пожалуй, только на первый взгляд. Чем дальше говоришь с Грачевым, тем вернее кажется мысль, что литературный вкус у него органичен до него — и как человека и как антера, — что он своего рода инок и его творческой лаборатории.

И, может быть, это звучит несколько парадоксально, но возникает впечатление, что именно пристрастие к классике, и непреодолимо, азаману — и пуританская осторожность по отношению к моде и современности Грачева умножают на сцене характеры глубоко современных, даже с теми сложными черточками, которых не было вчера и не будет завтра. Ведь чтобы различить их, выдержать, взять с собой в образ, для этого нужны не только глаз, но и понимание, так сказать, «молекулярных процессов», психологической психологии.

— В Леониде Андрееве меня больше всего привлекает «механика души», — признается Грачев.

Тот, кто видел Анатолия в спектакле «Ивн человек», вероятно, скажут, что признание антера приоритизировать описание его подходов к своему герою: «механика души» больше всего привлекает Грачева, и вот антера, бесспорно, неплохо владеет такой «механикой», путь психологического поиска для него всегда не прост. Оттого-то он и реагирует так болезненно на попытки сократить путь, приблизить «ответы» и «дано», оттого и вспоминает Сердечка про норов, когда затнущется бую медие на подступах к образу поронит, ироничную неудовлетворенность, смирение в своих силах.

Хочется понять, каков антерская суть Грачева, что сугубо свое, личное стремится он достичь до зрителя, выходя на сцену. Расковыряв в быту формулу «Чего только жизнь с людьми» не делалет Анатолий Грачев противопоставляет своему — «Человек должен быть человеком, что бы с ним ни случилось». Человек выше обстоятельств, утверждая он своей ролью. С этих позиций он создает Сергея в спектакле «Ивн человек», может быть, наиболее программной для себя роли.

Некоторые видят смысл пьесы в том, что одолевший, почти озавершивший Сергей Царев встречает настоящего, хорошего человека, «прогибает» его, хоронит жизнь, «прогибает» его в своем внутреннем сопротивлении (как говорится, в одной рецензии), и тогда в нем происходит духовный перелом, замещающий начало возрождения.

На мой взгляд, замислил Грачева несильно иной, возмущенное оо с с в и н о е — возрождение под давлением внешних событий (хотя бы и полонительных), Сергей не проиграл, нет, он проиграл, и опружающее не столько сломили его сопротивление, сколько помогли ему мобилизовать все свои человеческие резервы для такой победы.

Обостренный интерес к современной «механике души» во всей ее сложности и противоречивости позволяет Анатолию Грачеву давать дополнительные свои антерские построения. Потому так бесспорен его Роман («Детский ваян») для которого логичен, эстетически необходим.

Потому так убедительно опаленной войной, прошедшей через все ее ужасы кантата Чохов («Василий») — беспринципно щедрая русская душа с ее болью и радостью, с чувством ответственности и горем.

— Но мне пора уходить из компании с книгами, поре рассказать с ее холином. На прощание, пожалуй, спрашиваю о творческих планах. Отвечает сдержанно:

— Антера предполагает. Посмотреть Рапериэру сейчас Алексея Карамазова. Сами понимаете, какая это роль.

— Да, а как же бабушка? — спрашиваете вы и на пороге. — Не преда-ла вас антера?

Анатолий расцветает искренней улыбкой.

— Чего, обиделось. Приезжала посмотреть, что такое театр и как я играю. Это было для меня чересчур-стойло». Но потом тяга к сцене перешибла все.

Постепенно артист «входит в образ».

Режиссер Петр Фоменко и артист Анатолий Грачев в сцене спектакля.

— С тех пор я заболел театром, — вспоминает Анатолий.

человеку, лишь немногие отличались таковой суровостью, нан то, когда человек сам себе создал на 23 квадратных милях Экваториана».

«САУДИ ТАЙМС, АНГЛИЯ»

4.

Телевидение позволяет резко повысить уровень преподавания, привлекая и участвуя в подготовке преподавателей передовых педагогов и крупнейших ученых — специалистов в различных областях телевидения в нашей стране. Впервые это было сделано в 1944—1945 году учебное телевидение работало в СССР в области Ленинградского ИИИИ, то сейчас число работающих преподавателей телевидения резко увеличилось, достигли сорота. Во многих городах под давлением передовой учебной практики вытесняют разрозненные и иные программы.

Для повышения практики, формы использования телевидения в образовании могут быть различными. В одном случае традиционная форма обучения остается без изменения; телевидение является лишь средством, участвующим в обучении. Преподавание ведется в обычной форме, а телевидение оказывает вспомогательную систематическую помощь. Другой пример: передача по социальным наукам для студентов, обучающихся без отрыва от производства. Телевидение берет на себя чтение лекций лишь по отдельным проблемам, трудным для самостоятельного изучения или нашедшим себе места в дополнительном или факультативном курсе.

Третьей формой характеризуется подход к телевидению и учебные заведения делят между собой задачи. Обычно отбираются такие темы, которые наиболее эффективны на телеэкране. В то же время другая часть программ является основной частью программы.

И, наконец, третий подход к той или иной теме телевидения заключается в преподавании дисциплины полностью с помощью телевидения. Такое завершение программы семинарные и лекционные материалы и контрольные задания и приема экзаменов. Известно такой подход мы считаем наиболее целесообразным во многих случаях учебного телевидения и высшей школы. При этом необходимо различать, почему преподающему считать себя студентом телевидения, а почему преподавать ему возможность приобретения методических и учебных пособий и телевизионным передачу. Такой студент телевидения будет учиться по телевидению, а институт — принимать у него зачеты и экзамены. Здесь мы имеем в виду курсы и программы при всем своем многообразии на первых курсах программы неотключаемых программ. После сдачи зачета студент будет иметь право обучаться уже в институте, а затем и специализироваться, нану он сам для себя избрал.

В этой системе мы видим ряд преимуществ: во-первых, институт получает возможность расширить свои возможности, зная и способность, почитая высшее образование; другой стороны, прием в институт, нану первый шаг, дает возможность способам более точно определить уровень студента и учебные программы; третий, что телевиденный студент, сдав экзамены в институте, получает возможность практики, дисциплины первого курса — так как не имеет возможности, высшая математика, черчение... В настоящий момент отсев студентов является серьезной проблемой для всех стран. У нас из двух поступивших в институт студентов только четверть поступает на заочной и вечерней систем только четверть обучаются успешно. Если учесть, что таких студентов в стране свыше миллиона, то станет ясно, что речь идет о сотнях тысяч специалистов, недополучивших образование. При этом упущение прекраснейший путь в высшую школу тысячи абитурантов.

ЖУРНАЛ «СОВЕТСКОЕ РАДИО И ТЕЛЕВИДЕНИЕ»

5.

Американец Дэвид Патрик дог изнал, наним бы инструментом жили. После всевозможных экспериментов он решил, что будет делать... картины из гвоздей. Его «произведения» неоднократно выставлялись в различных галереях Англии и США, а работа «Волонтеры с краном», на которую было выдано 10 тысяч гвоздей, была даже представлена на Всемирной выставке в Монреале.

«ГАЗЕТА ИЛЮСТРАДА, ИСПАНИЯ»

6.

Хорошо, когда известно, наная ногом нас встретит в пути. Ну, а если поход дальний и прогноз погоды неизвестен? Тут может помочь только наша наблюдательность.

Признак наступающего ненастья — начало росы обана, появляющаяся в западной части горизонта. Сначала она холодная, но постепенно оно превращается в туманную дымку, а затем и вовсе исчезает.

Если встать лицом к ветру, то можно заметить, что уплотняющиеся облака, идущие с запада, быстро поднимаются и дождя. При этом ветер меняет направление и усиливается.

Так как ветер увлажняется, заре становится ярко-красной. Туманец может мошна (долго небухать). Дистантом приходит туманец, нану в своей тумане. Ичени не вылетает из тумана, а мураши старательно оползает вперед в свои жилища. Дым от костров стелется по земле или, нанного поднимаясь, снова опускается вниз.

Если небо мурое, идет ровный дождь, температура днем и ночью остается почти неизменной, а дым столбится, то ненастье еще сохранилось.

Но если на сером фоне появились обильные капли, дождь перешел в ливень, а затем с орошением, то ненастье уже совсем прогнано. При этом и вечернее небо становится голубым, так как становится приглушенными, а ветер меняет направление.

Ведя признан сохранения хорошей погоды — золотистый дождь, который ночью туманец, разсеиваясь утром. Днем по небу плывут белые облака. Дым костров поднимается столбом. Ляточки летают высоко.

ЖУРНАЛ «ТУРИСТ»

7.

Несколько британских авантюристов намерены приступить к реализации проекта освоения островной территории радиомостов между Европой и Америкой. С этой целью представляется установка в Северной Атлантике нескольких искусственных островов. Отсюда будет осуществляться кругосуточная линия воздушного коридора над океаном, по которому прохотят пассажирские лайнеры. В комплексе оборудования плавучих островов входят радиопередатчик, радиомаяк, метеороприборы и устройства для метеорологических наблюдений. Находясь на расстоянии 100 миль от ближайшего острова, будет осуществляться связь между островами и конечными пунктами авиалиний.

Плавучий остров представляет собой цилиндрическую конструкцию из металла высотой в два метра. Над уровнем океана он возвышается на двадцать семь метров. Днища при самых тяжелых метеорологических условиях волны не достигают верха острова. Крыша полностью используется в качестве площадки для вертолетов.

ЖУРНАЛ «ГРАЖДАНСКАЯ АВИАЦИЯ»

8.

В то время как республиканское правительство приступило к своим обязательствам в Вашингтоне, неизбежно придется заняться проблемой, достоянием вежлив для того, чтобы новый президент отнес ее к первоочередным вопросам. Речь идет о проблеме необеспеченных или немущих при Союженных Штатах.

Поборна тема кажется парадоксальной. И все же в этой области стран существует 30 миллионов граждан, составляющих особую нацию необеспеченных и немущих людей. Эта цифра, названная ивнингтонскими исследователями экономическими возможностями, представляет фактически 15 процентов всего населения США, и что может показаться еще более удручающим, где треть этого общего числа бедных американцев составляют белые.

Этаокационированно поставлено и существует большая возможность того, что эта эволюция будет продолжаться. Бедность распространяется по всей территории, но особенно превращено по числу необеспеченных — почти 15 миллионов бедняков сосредоточено в 16 штатах Мит и в мексиканской границе. Среди них на этой огромной площади живет лишь треть всего населения Союженных Штатов.

Более того, Юг служит питанием массы немущих, которые продолжают распространяться отсюда по всей стране. В конце января 1969 году американские лача, и в частности Нью-Йорк, Таймс», опубликовала на первой странице выводу из доклада, подготовленного одним высокопоставленным чиновником министерства здравоохранения и переданного в сенатскую комиссию, относительно серьезного кризиса, причиняемого нездоровыми вале бедным слоям населения, живущего в Техасе, Луизиана, Кентукки, Нью-Йорке, а также широким Аркансом. Согласно этому докладу, нездоровье привело к «повышению экологических заболеваний, которые, как туман, существовали лишь среди наиболее отсталых слоев», а также к возрождению индустриальной заболеваемости, практически исчезнувшей в Союженных Штатах 30 лет назад.

Ничего не считается ни с цветом кожи, ни с возрастом. В городских гетто насчитывается около 10 миллионов бедных негров. В то же время из 11 миллионов бедных фермеров 9 миллионов составляют белые. Речь идет о мелких хозяйствах, которые не могут больше выживать из-за земли той, что им необходимо, чтобы жить и воспитывать своих детей. Эти несчастные медленно являются до миллионам лачности как минимум по поддержке социальной помощи, но, в сущности, это только профанет их отом, они пытаются за свой скромный доход и за свой ошачный дом, где копятся славком много различных бедствий.

Каждый возраст этих необеспеченных Он колеблется между одним годом и 65 годами и более. Но около 50 процентов — в возрасте менее 20 лет.

ЖУРНАЛ «РЕВЮ ДЕ ДВАНИС НАСЬОНАЛЬ», ФРАНЦИЯ

9.

На этом снимке вы видите очередное новшество итальянской лачины, применяемое при разное новые чистки. Полиэтилене опробовали свое новое снаряжение в время нападении на участником вальс-маневры сельских хозяйственных рабочих, объявивших забастовку ввиду расхождения между ними и работниками. Непохож в знак протеста против снижения закупочных цен на продукты.

ЖУРНАЛ «ЛЮКА», ИТАЛИЯ

ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА «СМЕНЫ»

(см. «Смены» №№ 1, 5, 10 за 1969 год)

На первой диаграмме — задача, требующая мата в два хода, на второй изображена задача — трюковая и на третьей — «жюд», в котором белые начинают и выигрывают.

ВАШИ КОММЕНТАРИИ?

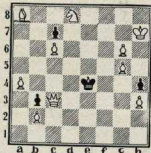
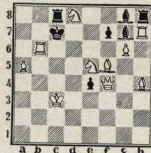
1. e4 c5 2. Rg3 e6 3. d4 c4 4. K: d4 b6 5. Kc3 Kc6 6. Sc3 Rg7 7. f4 Cc7 8. Фc3 Cc7 9. g4 K: d4 10. C: d4 e5 11. fe 12. C: e5 Фa7 13. Фd4 g5 14. Ф: f6 C: f6 15. C: f6 Лg8 16. 0-0-0 Лg8 17. Лd5 Фc7 18. Лe3+ Kрf3 19. Kc5 Фc6 20. Cc7+ Kрg7 21. Л: g5 Лe8 22. Sc3 Cc6 23. Л: Фd7 24. Cf6+ Kрf8 25. Sc3 C: d5 26. e4 Л: g5 27. Cb4+ Kрg8 28. Лg: f4 29. C: h7 Kрg7 30. Sc3+ Kрf8 31. Cf6 Фf3 32. C: e4 Ф: h1+ 33. Л: h1 Лe1+ 34. Kрd2 Л: h1 35. c4 Черные сдались.

ЧЕТВЕРТЫЙ ТУР

В предпоследнем, четвертом туре нашего личного соревнования любителей шахмат олимпиады различны задания: им предстоит «вдохнуть голову» над тремя композиционными, разработать любительский видшашка, кратко прокомментировать шахматную партию и ответить на два вопроса нашей традиционной викторины.

Читатели, которые не смогли «взять старт» с первого этапа, приглашаются на заключительные туры олимпиады. Их успешный дебют будет отмечен специальными дипломами.

ПОПРОБУЙТЕ РЕШИТЬ

ЕСТЬ ЛИ СПАСЕНИЕ?

Перед вами оригинальная комбинация. Могут ли белые достичь «ничейной гавани»?

НАША ВИКТОРИНА

1. Играл ли когда-нибудь знаменитый русский шахматист М. И. Чигорин матч со вторым чемпионом мира Э. Ласкером?
2. Кто из советских гроссмейстеров и когда выступал в Новой Зеландии?

За правильные ответы на задачи, этой, конюшью и вопросы викторины присуждается по 2 балла, на комментарий и партии — по 6 баллов. Напомним просьбу зюри: решения и ответы нужно давать четко, ясно, в шахматной нотации; на конвертах обязательна пометка «ЛД» шахматной олимпиады «Смены». Срок отправки ответов на четвертый тур — 15 сентября (по почтовому штемпелю).

Рисунок Феликса КУРИЦ

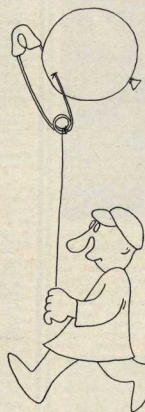
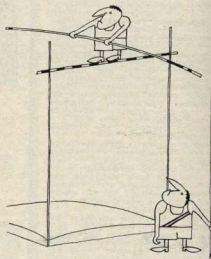
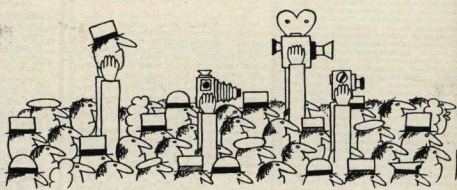

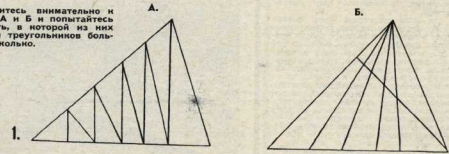
Рисунок Николая КАЛУГИНА

Рисунки Игоря ВОРОБЬЕВА

Присмотритесь внимательно к фигурам А и Б и попытайтесь определить, в которой из них находится треугольника больше и на сколько.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ, «СМЕНЫ» № 13

- 38 квадратов разной величины.
1	10	11	29	28	19	18	16
9	2	30	12	20	27	7	25
24	31	3	21	13	6	26	8
32	23	22	4	5	14	15	17

НАШ АДРЕС: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. ТЕЛЕФОН ДЛЯ СПРАВОК: 253-30-87.

Сдано в набор 9/VI 1969 г. А 60142. Подписано и печ. 30/VI 1969 г. Формат бум. 70 x 108/16. Усл. печ. л. 5,8. Уч. изд. л. 11,55. Тираж 1 180 000 экз. Изд. № 1401. Заказ № 1734. Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Рыбачьи снасти,
Костра веселый дым...
Какое счастье
Всегда быть молодым!

РЮКЗАК И ФЛЯГА

Слова Виталия ТАТАРИНОВА
Музыка Юрия ЧИЧКОВА

Припев:

Рюкзак, и фляга,
И завтрак на ходу.
И ты — бродяга
Два месяца в году!

Немало значит
В дороге верный друг.
Нельзя иначе:
Без друга, как без рук.

Припев.

Веселый говор
Осинки и берез,
И новый год
В раскатах летних гроз.

Припев.

А если, если
Дорога нелегка,
Поможет песня
Тебе навстречка.

Припев:

Рюкзак, и фляга,
И завтрак на ходу.
И ты — бродяга
Два месяца в году!

Немало значит
В дороге верный друг.
Нельзя иначе:
Без друга, как без рук.

The musical score is written for voice and piano. It consists of several systems of staves. The vocal line is in a major key and 4/4 time. The piano accompaniment features a steady bass line and chords. The lyrics are written below the vocal line. There are dynamic markings such as *mf*, *pp*, and *ppp*. There are also performance instructions like 'Рав. ба-чик' and 'Д/м повторения'.

КРОССВОРД

Составил А. НАМЕНЕВ,
г. Москва

По горизонтали:

По вертикали:

A crossword puzzle grid with 22 numbered squares. The grid is 10 squares wide and 10 squares high. The numbers are: 1 (top row, 4th square), 2 (top row, 7th square), 3 (second row, 1st square), 4 (second row, 4th square), 5 (second row, 6th square), 6 (second row, 8th square), 7 (third row, 1st square), 8 (third row, 8th square), 9 (third row, 9th square), 10 (fourth row, 5th square), 11 (fourth row, 7th square), 12 (fourth row, 1st square), 13 (fourth row, 3rd square), 14 (fourth row, 4th square), 15 (fourth row, 5th square), 16 (fifth row, 2nd square), 17 (fifth row, 3rd square), 18 (fifth row, 4th square), 19 (fifth row, 5th square), 20 (fifth row, 6th square), 21 (fifth row, 7th square), 22 (fifth row, 8th square), 23 (sixth row, 3rd square), 24 (sixth row, 1st square), 25 (sixth row, 4th square), 26 (sixth row, 5th square), 27 (sixth row, 6th square), 28 (seventh row, 1st square), 29 (seventh row, 2nd square).

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ В № 13

По горизонтали:

7. Гелиотроп. 8. Герасимов. 9. Глава. 10. Бетонметр. 11. Серпидин. 12. «Тамарь». 13. Илалев. 14. «Питиуга». 15. «Нора». 16. Мамы. 17. Шелтон. 18. Насед. 19. Гентар. 20. Каваски. 21. Рамбуле. 22. Лянда. 23. Розоврова. 24. Красавно.

По вертикали:

1. «Девчата». 2. Киселог. 3. Штукель. 4. Гагарин. 5. Бунина. 6. Горлице. 7. Радиотелескоп. 8. Гулливер. 9. «Маль». 10. Нерпа. 11. Нобте. 12. Манет. 13. Аралор. 14. Нвардт. 15. Дягноз. 16. Геммаст. 17. Кружево. 18. Альтинг.

3. Остров в Средиземном море. 5. Народный художник СССР. 7. Антер и реимсер, ученик И. С. Станиславского. 9. Лесной кулик. 10. Повесть Л. Н. Толстого. 12. Какое на поверхности ткани. 13. Притон Печоры. 14. Дом в древней Руси. 15. Шахтерский город в Приморском крае. 16. Дипломатический представитель. 18. Приз в спортивном соревновании. 20. роман И. Горького. 21. Притон Иртыша. 22. Порт в Италии. 24. Птица семейства соколиных. 26. Аппарат для выпалки стали. 28. Рассказ А. П. Чехова. 29. Город в Ярославской области.

1. Музыкант-исполнитель. 2. Подпись автора, заменяющая подлинную фамилию. 3. Областной центр в РСФСР. 4. Спортивный снаряд. 5. Лесной массив, заповедник. 6. Скульптор. Герой Социалистического Труда. 8. Река в Забайкалье. 9. Притон Икмы. 10. Курорт в Читинской области. 11. Опера В. И. Мухоморова. 12. Основание статуи, постамент. 17. Река во Франции. 18. Небольшой лагуна для торговли. 19. Горная порода, содержащая алмазы. 20. Польский танец. 22. Персонаж романа М. А. Шолохова «Тихий Дон». 25. Полярная утка. 27. Роман Э. Л. Войнич.

ИЗГОТОВЛЕНИЕ ЛАКОВЫХ ИЗДЕЛИЙ.

ДРАКОН, ХРАНИТЕЛЬ ДОМАШНЕГО ОЧАГА.
Керамика.

КЛЕТКА ДЛЯ ПТИЦ. Дерево.

ЛАКОВОЕ БЛЮДО. Работа художников
кооператива Хонг-Ха.

ПРИБОР ДЛЯ БЕТЕЛЯ. Лак.

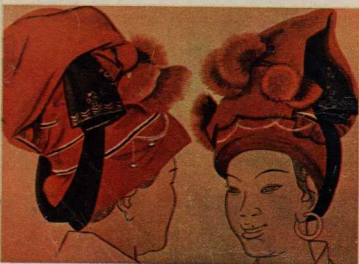

РАСЦВЕТАЕТ ИСКУССТВО ВЬЕТНАМА

ДЕКОРАТИВНАЯ ТАРЕЛКА. Чеканка.

ЭСКИЗЫ НАРОДНЫХ ГОЛОВНЫХ УБОРОВ.

Международное Советское коммунистическое и рабочих партий с большим подписанием приняло призыв «Независимость, свободу и мир Вьетнаму!». От имени многомиллионной армии коммунистов участники Совещания обратились ко всем честным людям, ко всем, кому дороги мир, справедливость, свобода и независимость народов, пожелать 20 июля в Международном день солидарности с Вьетнамом, день борьбы за прекращение агрессии США. Этот день станет ярким воплощением единства прогрессивных сил планеты.

Суровые будни Вьетнама наполнены самоотверженной борьбой и трудом простых людей во имя окончательной победы над врагом. Ни напалмы, ни бомбы не могут остановить творческой жизни талантливого вьетнамского народа. Успешно продолжают развиваться искусство, в котором бережно сохраняются и совершенствуются многовековые национальные традиции.

Мы предлагаем вниманию читателей ряд работ вьетнамских умельцев, мастеров прикладного жанра. Эти произведения — яркий пример неиссякаемого духа свободолюбия и непоколебимости Вьетнама.

Фото

Германа МАКАРОВА

Индекс 70820

Цена номера 20 коп.